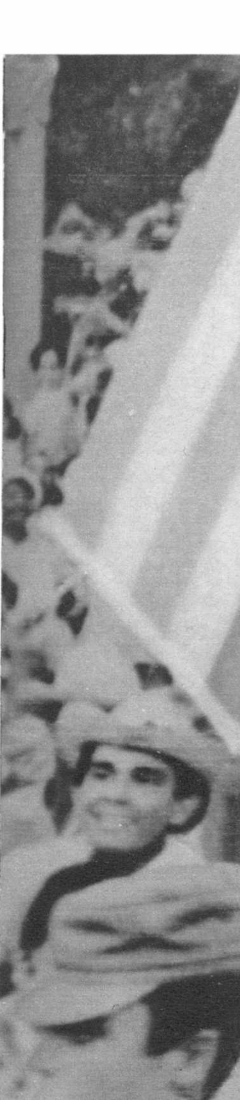

ДРУЖЕСКИЙ ВИЗИТ В БРАТСКУЮ КУБУ

ДРУЖЕСКИЙ ВИЗИТ В БР

Проводы на Внуковском аэродроме. Фото А. Гостева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 6 (2431)

2 ФЕВРАЛЯ 1974

АТСКУЮ КУБУ

Трудящиеся Гаваны приветствуют товарищей Л. И. Брежнева, Фиделя Кастро Рус и Освальдо Дортикоса Торрадо.

Телефото специальных корреспондентов ТАСС В. Мусаэльяна и В. Соболева.

Радушно, по-братски встретила революционная Куба Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, прибывшего по приглашению Первого секретаря ЦК Коммунистической партии Кубы, Премьер-Министра Революционного правительства товарища Фиделя Кастро Рус с официальным дружеским визитом.

Гавана. Аэропорт «Хосе Марти». Празднично развеваются государственные флаги СССР и Республики Куба. Представители трудящихся столицы собрались здесь 28 января, чтобы приветствовать товарища Л. И. Брежнева, выразить свои братские чувства к Советскому Союзу, советскому народу. У трапа самолета Леонида Ильича Брежнева по-братски, тепло и сердечно приветствовали товарищи Фидель Кастро Рус, Президент Республики Куба Освальдо Дортикос Торрадо, второй секретарь ЦК Компартии Кубы, первый заместитель Премьер-Министра Революционного правительства и министр Революционных вооруженных сил Рауль Кастро Рус.

Вместе с товарищем Л. И. Брежневым прибыли член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Украины В. В. Щербицкий, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романов, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, член ЦК КПСС, министр гражданской авиации Б. П. Бугаев, первый заместитель председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям И. В. Архипов, член ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС К. В. Русаков, член Центральной ревизионной комиссии КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, член Центральной ревизионной комиссии КПСС, генеральный директор ТАСС Л. М. Замятин.

Горячая, сердечная встреча Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева в аэропорту и на улицах Гаваны вылилась в яркую манифестацию нерушимой дружбы и братской революционной солидарности народа Кубы с народом Советского Союза.

28 января в Гаване состоялась дружественная, сердечная беседа Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с руководителями Компартии Кубы.

В беседе приняли участие товарищи Фидель Кастро, Рауль Кастро, Освальдо Дортикос и другие члены Политбюро и Секретариата ЦК Компартии Кубы.

С советской стороны — товарищи А. А. Громыко, В. В. Щербицкий, Г. В. Романов, К. Ф. Катушев, Б. П. Бугаев, И. В. Архипов, посол СССР в Республике Куба Н. П. Толубеев, помощники Генерального секретаря ЦК КПСС К. В. Русаков, А. М. Александров, А. И. Блатов.

МОСКВА—ГАВАНА: ПО ЕДИНЫМ ЧАСАМ

«В Гаване сейчас — полдень, в Москве — восемь часов вечера»,— объявляет диктор радиостанции «Интернасиональ», начиная очередную передачу. Но, несмотря на разделяющее их расстояние в восемь часовых поясов, Гавана и Москва, обе наши страны ведут отсчет времени по единым часам — часам строителей социализма и коммунизма. Сейчас на кубинской земле особенно остро чувствуешь, сколь прочны узы дружбы и братства, связывающие наши страны, наши народы, наши коммунистические партии.

Бесчисленны зримые и незримые связи Советского Союза и Кубы. Наше братство рождалось в дни, когда кубинские пролетарии заявили о поддержке Октябрьской революции в России и протянули руку солидарности русским рабочим и крестьянам. Член Центрального Комитета Компартии Кубы, министр иностранных дел Рауль Роа в беседе с нами подчеркнул, что героические традиции народов Советского Союза и Кубы тесно переплетались в прошлом, сливаются воедино в настоящем и имеют блестящие перспективы в будущем, которое целиком принадлежит коммунизму.

Известие об официальном дружеском визите на Кубу Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева по приглашению Первого секретаря ЦК Компартии Кубы, Премьер-Министра Революционного правительства Фиделя Кастро вызвало здесь настоящий взрыв энтузиазма. Весь январь прошел под знаком подготовки к встрече советского гостя.

Столица революционной Кубы всегда приветлива и жизнерадостна. Но ко дню прибытия Л. И. Брежнева белокаменный город, залитый лучами щедрого тропического солнца, стал еще прекраснее. Гавана просто преобразилась. В пурпур оделись ее площади и бульвары, проспекты и улицы. Легкий освежающий бриз с океана колышет полотнища государственных флагов Советского Союза и Республики Куба. На фронтонах зданий государственных учреждений и предприятий — портреты Маркса, Энгельса, Ленина. Повсюду транспаранты со словами сердечных приветствий.

«Добро пожаловать, дорогой товарищ Брежнев!», «Да здравствует нерушимая советско-кубинская дружба!», «Революционные идеи шагают вперед по пути, открытому Октябрьской революцией» — эти слова на русском и испанском языках красноречиво говорят о мыслях и чувствах трудящихся республики.

Нам довелось в эти дни побывать во многих городах и поселках революционного острова. И где бы мы ни были — в заводских цехах и на стройках, в кабинетах партийных и государственных деятелей,— всюду кубинские товарищи с искренней и большой радостью говорили о визите Генерального секретаря ЦК КПСС.

...Теплоэлектростанция имени Антонио Масео на полуострове Ренте под Сантьяго-де-Куба. В прошлые годы, когда она еще строилась и только начинала давать ток республике, нам не раз приходилось бывать здесь. Тогда было немало трудностей, неизбежных в каждом новом деле, и советские специалисты помогали кубинцам преодолевать их, всегда были на самых сложных участках, работали, не считаясь со временем, учили собственным примером. Теперь мы увидели исключительно четко работающее, по-настоящему современное предприятие. Повсюду высококвалифицированный кубинский персонал. Чувствуется, что люди любят и хорошо знают свою профессию. «Всему, что мы знаем в нашем деле, мы научились у советских людей,— сказал главный инженер станции Луис Лагейре.— Совместная работа оказалась очень плодотворной. Мы убеждены, что визит Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева будет иметь неоценимое значение для дальнейшего углубления и расширения нашего сотрудничества».

Рабочие сахарного завода «Лопес Пенья», что километрах в ста пятидесяти от Сантьяго-де-Куба, держат знамя победителя в социалистическом соревновании предприятий своей категории. Сейчас в разгаре переработка тростника новой сафры. У механика завода Луиса Лаборда в эти страдные дни, естественно, по горло забот: его сложное хозяйство должно работать безукоризненно. Но он с удовольствием соглашается встретиться с советскими журналистами.

59-летний Лаборда, почти четыре десятилетия работающий на этом заводе, коммунист и передовик производства, с огромным уважением относится к первой в мире стране социализма, к родине великого Ленина. С восторгом говорит он о своей поездке в Москву. Эта поездка была наградой ему от всего коллектива завода за самоотверженный труд.

«Для нас, кубинских рабочих, приезд такого выдающегося советского руководителя — очень большая радость,— подчеркнул ветеран труда.— Это новая демонстрация сердечной дружбы, объединяющей наши народы, которые идут в одном строю к светлому коммунистическому обществу. Это яркое доказательство больших успехов Кубы в сплоченной семье стран социалистического содружества...»

Наши гостеприимные хозяева в школе-интернате имени В. И. Ленина в окрестностях Гаваны — представители молодого поколения. Им в ближайшие годы предстоит пополнить ряды строителей социализма. С большим интересом, с подлинной увлеченностью изучают многие из них русский язык. «Я учу язык Страны Советов, чтобы как можно больше узнать о жизни наших братьев, о достижениях передовой советской науки и техники»,— сказал нам старшеклассник Эктор Диас. После окончания школы он мечтает продолжить учебу в Советском Союзе, стать биологом. «К визиту товарища Брежнева,— добавил он,— мы готовились, как к большому празднику. У нас еще никогда не было столь желанного и почетного гостя».

Этот небольшой рассказ о праздничной Кубе хочется закончить словами передовой статьи газеты «Гранма», органа ЦК Компартии Кубы, которые предельно четко выражают чувства и мысли кубинских трудящихся:

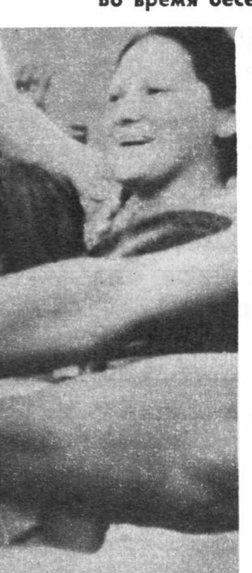
«Для нашей Коммунистической партии, нашего Революционного правительства и всего народа Кубы визит товарища Л. И. Брежнева имеет исключительно важное, историческое значение. Присутствие Генерального секретаря ЦК КПСС на земле первого государства рабочих и крестьян на латиноамериканском континенте, на Кубе, победоносно строящей социализм, является символом огромного распространения революционных идей, победного шествия социализма и коммунизма и колоссальных перемен, происходящих в современном мире».

Гавана, январь.

Р. КНЯЗЕВ, Н. ЧИГИРЬ,
специальные корреспонденты
ТАСС для «Огонька»

Во время беседы между товарищами Л. И. Брежневым и Фиделем Кастро Рус.

Дружеские рукопожатия.

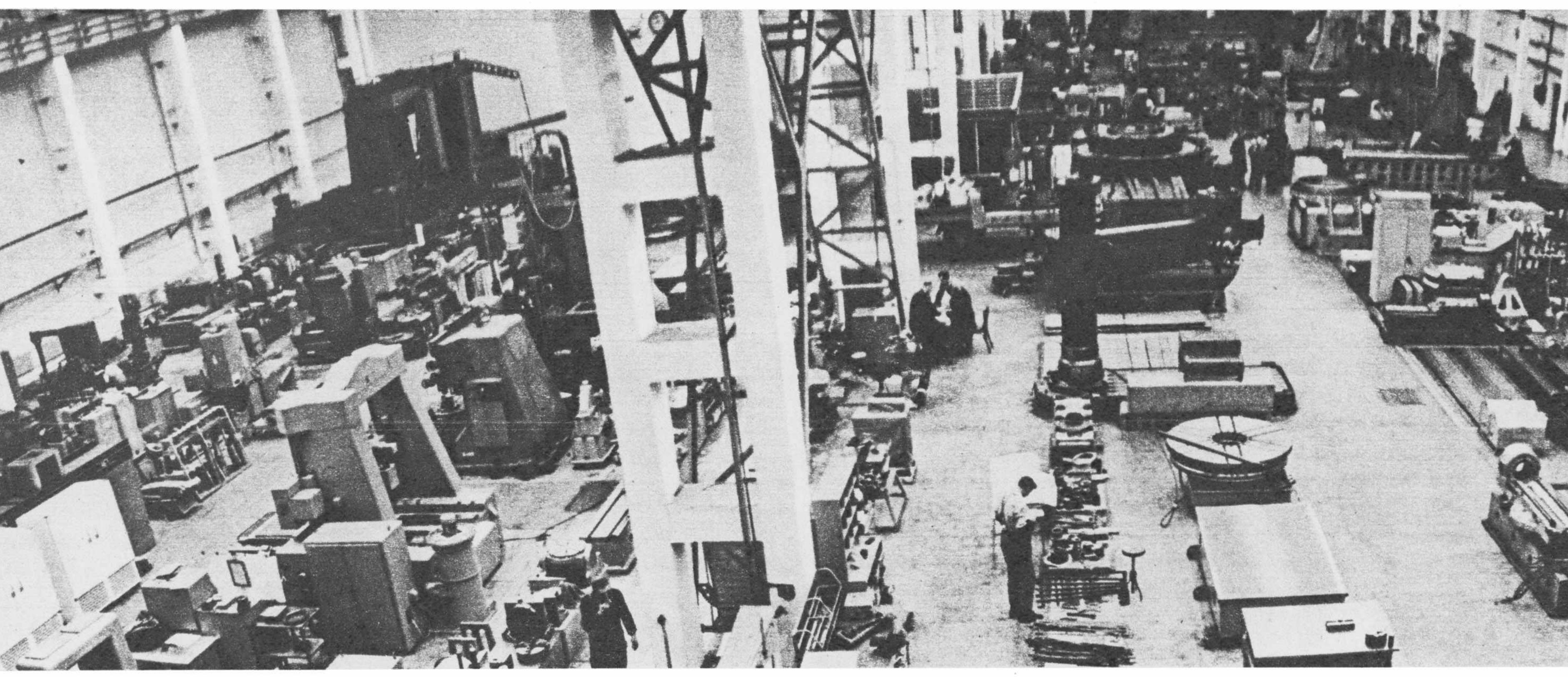
«Добро пожаловать на Кубу!»

Телефото специальных коррес-
пондентов ТАСС В. Мусаэльяна
и В. Соболева.

Зуборезчики Алексей Алексеевич и Виктор Алексеевич Ковылины.

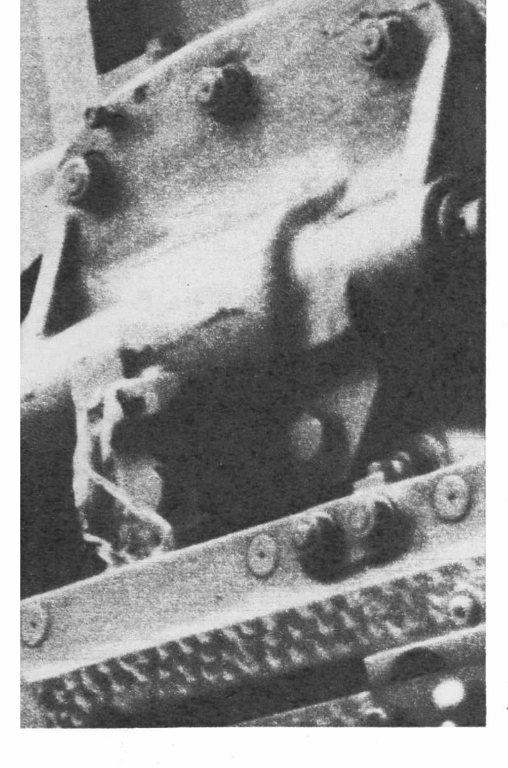
Это и есть прецизионный термоконстантный цех.

СТАНОК ИЗ КОЛОМ

Советская печать опубликовала Сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения Государственного плана развития народного хозяйства в 1973 году. Строгий и точный язык цифр свидетельствует: экономика Страны Советов на подъеме. Выполнены и перевыполнены основные задания, повысились темпы роста всего общественного производства и производительности труда. Реализована обширная программа капитального строительства. Вновь увеличились реальные доходы населения, возросла заработная плата рабочих и служащих, оплата труда колхозников, общественные фонды потребления.

Трудящиеся Советского Союза, претворяя в жизнь Директивы XXIV съезда КПСС, ознаменовали третий, решающий год девятой пятилетки ударным трудом во всех отраслях народного хозяйства. Вот строки из сообщения ЦСУ, показывающие, как самоотверженно несут трудовую вахту советские рабочие:

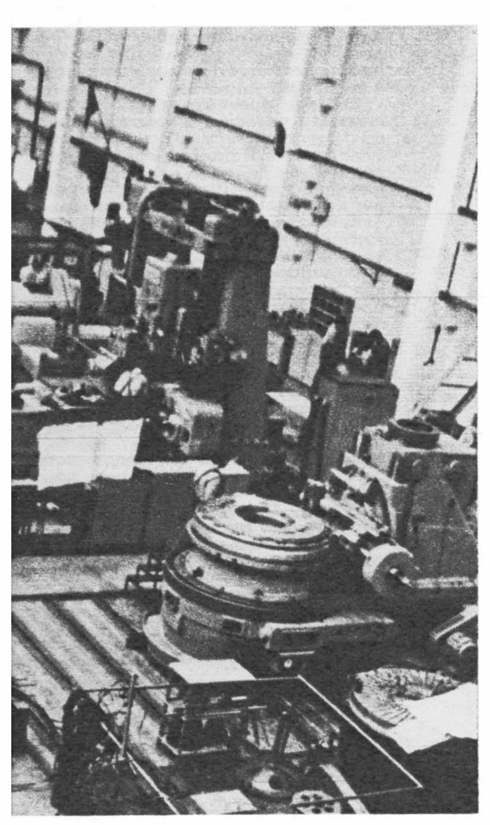
В прошлом году было произведено металлорежущих станков на 1 256 миллионов рублей, что составило 110 процентов по отношению к 1972 году. А станков с

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР Государственная премия СССР 1973 года за создание конструкций и оснащение промышленности тяжелыми и уникальными металлорежущими станками присуждена работникам различных предприятий страны, и среди них — специалистам Коломенского завода тяжелого станкостроения.

Б. СМИРНОВ.
Фото Г. РОЗОВА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

числовым программным управлением было изготовлено 3,8 тысячи, то есть 124 процента по отношению к году предыдущему.

Об успехах советских станкостроителей ведут репортаж наши специальные корреспонденты.

В научной фантастике часто говорится о предприятиях будущего: высокие светлые помещения, мигающие лампочки на пультах, люди в белых халатах... Впрочем, теперь подобные описания стали достоянием скорее газетных очерков и репортажей, чем фантастических повестей. Мы уже и не мыслим себе, что, например, завод электронной аппаратуры может сейчас выглядеть иначе. Ну а предприятия, где обрабатывается металл... Здесь до белых халатов еще далеко. Впрочем, не в халатах дело. Ведь и в том цехе, о котором мы хотим рассказать, рабочие ходят в простых синих комбинезонах. Зато в остальном этот цех Коломенского завода тяжелого станкостроения просто поражает впервые пришедшего сюда человека сочетанием огромности размеров и почти лабораторной чистоты, порядка. Так, во всяком случае, кажется в первые минуты, когда враз охватываешь взглядом многотонные громадины станков и светло-кофейные стены цеха, залитые ровным, мягким светом ламп, когда наблюдаешь движение мощного механизма и одновременно вдыхаешь свежий, очищенный, какой-то легкий воздух этого необычного помещения. Шум, правда, здесь есть, но тоже приглушенный, мягкий, не раздражающий слуха, и заместителю начальника цеха Юрию Ивановичу Козлову даже не приходилось напрягать свой голос во время беседы.

— Наш цех называется прецизионным термоконстантным. Это значит, детали обрабатываются здесь с максимальной точностью при определенной неизменной температуре. Зимой и летом в цехе всегда двадцать градусов тепла. Знаете, в летнюю жару отсюда, как из оазиса, уходить не хочется... Но особенно нужна эта постоянная «погода» деталям, которые мы обрабатываем. Вот, посмотрите: на этом станке сейчас обтачивается заготовка длиной в десять метров. Если бы температура воздуха в цехе вдруг упала всего на 5 градусов, заготовка «сжалась» бы от охлаждения на целых полмиллиметра. А у нас при обработке счет идет не на миллиметры, а на микроны, значит, все изделие стоимостью в десятки тысяч рублей пошло бы в брак...

— А что это за детали?

— Мы делаем карусельные и зубофрезерные станки, которые, в свою очередь, будут точить детали мощных гидротурбин, судовых двигателей больших кораблей, шагающих экскаваторов, роторных вскрышных комбайнов, слябингов, блюмингов... Само собой, чтобы изготовить все это, нужны большие станки, гиганты — для гигантов. И если машинам-гигантам требуется высокая точность (турбоагрегат, например, просто не будет работать при малейшем отклонении его узлов от технических норм), то станкам, производящим их, нужна точность еще более высокая. Такие станки, в частности, выпускаются на нашем Коломенском заводе, и самые основные их узлы производятся в этом цехе.

— Давно ли создан такой цех?

— Ему лишь несколько лет. Строили его не только с учетом самых последних достижений, но и с перспективой на будущее. Чего здесь только нет — специальное освещение, ворота-шлюзы, фундаменты на пружинах, мощные кондиционеры и многое другое. В цехе собраны самые лучшие рабочие со всего завода. И слесари и расточники — это все специалисты экстра-класса...

У станка, к которому мы подошли, стоял невысокий, плотно сбитый человек в комбинезоне. Козлов представил его нам просто — Прокопьевич. По отчеству на заводах всегда называли и называют самых уважаемых мастеров. Иван Прокопьевич Марков, бригадир расточников, заслужил право именоваться вот так — по отчеству. Позже нам рассказали в цехе, как Прокопьевич недавно подтвердил свою высокую репутацию, можно сказать, в международном масштабе. «Послали его на Кубу молодых рабочих обучать. Были там из других стран специалисты, и вышло как-то между ними соревнование: кто точнее обработает деталь без измерения, на глазок. Прокопьевич лучше всех себя показал. Про такого верно сказать — микрон пальцами чувствует. Колдун! Орден Октябрьской Революции недавно получил, член пленума горкома партии, званий у него много — «Мастер — золотые руки», «Отличник социалистического соревнования»...

Сейчас станок стоял — Марков готовил его к новой операции. Белой тряпочкой начисто протер и без того зеркально чистую планшайбу, приоткрыл тумбочку с аккуратнейше разложенным инструментом. Кран подал к станку деталь — и Марков не менее получаса, заглядывая в какие-то оптические устройства, устанавливал и закреплял ее на планшайбе. Столько же времени заняла и установка резца... Движения Маркова казались замедленными, но чувствовалась за ними величайшая осторожность.

— Из времени, отпущенного для обработки детали, процентов тридцать уходит на ее установку,— объяснял Иван Прокопьевич.— Это одно из первых условий точности. Хотите посмотреть, что такое у нас — миллиметр?— предложил он и щелкнул тумблером.

Я заглянул в засветившийся зеленый глазок в корпусе станка. Там была шкала — как на обычной школьной линейке. Марков повернул ручку, и деления в глазке побежали — нулевое, десятое, сотое,— пока не закончились черточкой «1 мм».

— Теперь представляете? — улыбался Марков.— Я, когда двадцать три года назад сюда, на завод, поступал, понятия не имел о таких размерах. Правда, здесь тогда станкостроение только осваивалось, так что мне вместе со всем заводом приходилось учиться точной работе. Делали станки и на них же учились. Прошло время — появилась необходимость в таком вот цехе для сверхточной работы, мы сами же — вся наша бригада — помогали его строить. Теперь... Знаете, есть такой общесоюзный стандарт — ГОСТ? По нему верхом совершенства при изготовлении зубчатых колес считалась третья степень точности, а наш цех делает крупные зубчатые венцы первой и даже нулевой степени точности. Вот как высоко поднялась марка коломенских тяжелых станков!

О том же, о высокой коломенской марке, мы говорили с главным конструктором завода Сергеем Павловичем Налетовым, лауреатом Государственной премии СССР 1973 года. Коломенские станки ведут свою «родословную» со сравнительно близких времен — с начала пятидесятых годов. Они начинали, как говорится, с нуля, не имея практически никакого опыта в тяжелом станкостроении. Всего два десятка лет... И вот теперь в кабинете главного конструктора мы читаем среди прочих отзывов зарубежных специалистов мнение представителей известной японской фирмы «Хитачи»: «Только богатый опыт, высокая техническая культура позволили Коломенскому заводу изготовить этот карусельный станок, отвечающий высоким техническим требованиям».

— Это были трудные и интересные годы для наших конструкторов, для всего завода,— рассказывает Сергей Павлович.— Наши карусельные и зуборезные станки нужны были повсюду, и к сегодняшнему дню, можно сказать, мы оснастили промышленность страны точными тяжелыми станками. То, что нашу продукцию стали охотно покупать Англия, Франция, Италия, ФРГ, Япония, Бельгия и другие технически высокоразвитые страны, свидетельствует о высокой конкурентоспособности коломенских станков. Сейчас мы обязаны улучшать и совершенствовать свою продукцию.

Будущее невозможно представить себе без автоматики, электроники — и мы выпускаем уже карусельные станки с цифровой индикацией и программным управлением, разрабатываем другие сложные конструкции. Наши станки должны быть на уровне технического прогресса: ведь если завтра возникнет нужда в какой-нибудь, например, сверхмощной турбине, то станок для нее надо делать уже сегодня...

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ГЛАВНЫЙ ИТОГ

Новелла ЦВЕТКОВА

Стоит над Москвой-рекой, словно гигантская раскрытая книга, тридцатиэтажное здание, одно из самых красивых в нашей столице. Это — Совет Экономической Взаимопомощи. Здесь, в штаб-квартире первой международной экономической организации социалистических стран, министры, инженеры, экономисты по-деловому, в дружественной обстановке обсуждают планы строительства новых гигантских комбинатов и заводов, новых городов, дорог, электростанций. СЭВ — это прежде всего коллективный опыт, коллективный разум, это прочный союз равноправных.

Четверть века назад мы впервые услышали это слово — и оно сразу же вошло в жизнь нашей страны, в нашу жизнь. Мы раскрываем по утрам газеты, в них события последних дней: «В местечке Дойчнойдорф на границе ГДР и ЧССР сделан последний сварочный шов, соединивший трансконтинентальную газовую линию с газовой системой ГДР». Мы знаем, это СЭВ! «Двухмиллионную тонну проката выдал стан «1700», работающий в Галаце на металлургическом комбинате». Это тоже СЭВ. «За три минувших года национальный доход Чехословакии возрос на 17,1 процента». И это Совет Экономической Взаимопомощи! Страны СЭВ занимают лишь восемнадцать процентов всей территории нашей Земли. В них живет только десять процентов населения планеты. Но на долю этих стран приходится ОДНА ТРЕТЬ МИРОВОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА!

Это сегодня. Но вспомним самое начало. Оно пришлось на тяжелую послевоенную пору и было нелегким. Вопреки прогнозам западных экономистов, несмотря на объявление нам «холодной войны», народы стран, вставших на путь социализма, вдохновляемые коммунистическими и рабочими партиями, опираясь на взаимную помощь и поддержку, сумели в сравнительно короткий срок справиться с экономическими трудностями. Особую роль в этот период сыграла наша страна. Верный своему интернациональному долгу, Советский Союз направил в страны народной демократии уголь, продовольствие, машины, оборудование.

Переход к политике социалистической индустриализации в этих странах диктовал необходимость найти новую форму сотрудничества, которая позволила бы наилучшим образом использовать преимущества мировой системы социализма. И вот январь 1949 года. На экономическом совещании в Москве представители Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии принимается решение — создать Совет Экономической Взаимопомощи. Главная цель? На основе принципов международного социалистического разделения труда содействовать планомерному развитию народного хозяйства каждой страны, объединить их усилия в создании и развитии материально-технической базы.

Первый чугун Кремиковского комбината в Болгарии... Польский корабль, построенный для Советского Союза... Чехословацкие станки, на которых работают в Германской Демократической Республике... Первая нитка нефтепровода «Дружба»... Атомный реактор в Венгрии... Первое кольцо объединенной энергосистемы «Мир»... И во всем этом есть труд и советских специалистов, экономистов, проектировщиков, ученых и рабочих. Так родился СЭВ. так утверждал он себя день за днем, год за годом. В его состав затем вошли ГДР, Монголия, Куба, углубляется его сотрудничество с Югославией. На последней, пражской сессии в качестве наблюдателей находились представители ДРВ и КНДР. Европа, Азия и Америка стали сегодня полем действия Совета. «Мы хотим видеть каждую братскую страну процветающим государством, гармонически сочетающим быстрый экономический и научно-технический рост с расцветом социалистической культуры, с подъемом материального благосостояния трудящихся»,— говорил на XXIV съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Четверть века жизни СЭВ показали всему миру, что согласованная экономическая политика входящих в него стран обеспечивает не простое сложение, а умножение их сил. За минувшие годы они увеличили промышленное производство более чем в 12 раз, а их совокупный национальный доход возрос почти в 5,7 раза!

Есть одно слово, которое объясняет, как совершаются многие чудеса в наши дни. Это слово-пароль — ИНТЕГРАЦИЯ. В Комплексную программу социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ вошли двести крупномасштабных экономических и научно-технических проблем, которые необходимо решать совместными усилиями.

И они уже успешно решаются! Совсем недавно в составе журналистской бригады «Огонька» мне довелось побывать во всех европейских социалистических странах. В моем блокноте записи бесед с руководителями министерств, директорами заводов, инженерами, рабочими, с коммунистами и членами союзов молодежи. И ничто, может быть, так сильно не поражает здесь сегодня, как естественность, органичность сотни повседневных фактов, из которых складывается наше великое содружество. Сумма этих фактов и действий, в которые вовлечены сегодня миллионы, и есть великая политика социализма. Вот почему газета американских коммунистов «Дейли уорлд» отмечает, что Совет Экономической Взаимопомощи «представляет собой новое явление в мировой истории и является предвестником новой эпохи мирового развития».

Главный итог коллективной деятельности всех наших братских стран нельзя выразить только в цифрах. Этот главный итог все мы видим в том, что из года в год растет могущество стран социализма, крепнет их сплоченность и пример их оказывает все возрастающее воздействие на умы людей, на развитие событий в мире.

НА ЧЕТЫРЕХ ФРОНТАХ

Сало ФЛОР,
международный
гроссмейстер

Сколько раз Фишер заявлял, что когда он станет чемпионом мира, то будет играть в турнирах и даже матчах на первенство мира сколько угодно и с кем угодно. Но теперь мы видим, что его слова расходятся с делами. Надо сказать, что такого пассивного чемпиона мира, как Роберт Фишер, шахматная история не знала. Фактически новый чемпион мира за полтора года не сыграл ни одной шахматной партии! Учитывая странное поведение Фишера, президент ФИДЕ М. Эйве решил предупредить американца, что если он не будет защищать звание чемпиона мира в 1975 году, то лишится своего титула. Но до 1975 года далеко, никто не может предвидеть, какие фокусы еще выкинет Фишер, однако подготовка к выявлению претендента на матч протекает точно по намеченным ФИДЕ срокам.

Восемь претендентов сражаются на четырех фронтах. Климат разный: в Пуэрто-Рико, Огасте, Пальма-де-Мальорке солнечная погода, а Карпов и Полугаевский играют при температуре ниже нуля в Москве.

Как известно, жеребьевка к турниру претендентов проводилась в Москве. Когда Спасский «вытащил» Бирна, он улыбнулся: симпатичный партнер попался! Когда в США Бирн узнал, что ему играть со Спасским, он также был доволен и заявил: «Я мечтал о том, чтобы играть именно со Спасским». Только Бирн сам может объяснить, почему он так сильно желал играть со Спасским. Если Бирн полагал, что будет иметь дело со Спасским 1972 года, который в матче с Фишером допустил несколько грубейших, совершенно необъяснимых ошибок, то можно понять, на что рассчитывал американский гроссмейстер. Но после чемпионата СССР стало совершенно ясно, что кризис у Спасского миновал, что мы видим Спасского «выпуска» 1968—1969 годов. И не зря Фишер заявил, что его соперником будет снова Борис Спасский.

Похоже на то, что матч Спасский — Бирн окажется «блицматчем», ибо уже после четвертой партии американец дважды проиграл. Еще один удар Спасского — и арбитр зафиксирует нокаут... В 1971 году претенденты на мировое первенство завидовали Петросяну, когда по воле жребия в четвертьфинале он встретился с Робертом Хюбнером. Тогда говорили, что это не партнер для Петросяна и никакой игры не будет. Выяснилось, что в матч-турнире претендентов легких партнеров не бывает и победа Петросяну досталась с трудом, ибо Хюбнер — первоклассный гроссмейстер, кстати сказать, он доказал это и в конце 1973 года, когда проиграл матч Корчному с минимальным счетом.

На этот раз многие посочувствовали Петросяну, что ему не повезло, когда он «вытащил» Портиша, самого неудобного для него противника. Ведь Петросян, как известно, еще никогда не выигрывал у венгерского гроссмейстера и успел потерпеть четыре поражения. Однако человек не живет вчерашним днем, а больше сегодняшним и даже завтрашним. Нервы у Петросяна неплохие, и он в отношениях с венгерским гроссмейстером еще раз доказал это.

В момент, когда пишутся эти строки, из Испании получено сообщение о том, что впервые в своей практике Петросян победил Портиша! Это большой спортивный, творческий и моральный успех. Лед тронулся! Как тут не вспомнить хотя бы Буэнос-Айрес 1927 года, когда

А. Алехин в первой партии победил Х. Капабланку (впервые в жизни), что его сильно вдохновило...

Приятно, что и в Южной Америке появился гроссмейстер высокого класса — Энрике Мекинг. Высокого? Или экстракласса? Это еще неясно. Мекинг блеснул в межзональном турнире в Петрополисе, но этого недостаточно, чтобы считать его новым Фишером. Мекинг—шахматист, точнее, человек типа Ларсена. Ему ничего не стоит объявить, что он будет первым в турнире и даже чемпионом мира. Если Ларсен после своих блестящих успехов еще имел право на такие авансы, то Мекинг пока не имеет для этого оснований, а чем кончились обещания Ларсена, еще на памяти шахматистов всего мира...

В матче Корчной — Мекинг оба участника уверены в своей победе. Но известно, что Корчной слов на ветер не бросает. Он шахматист очень сильный, опытный, принципиальный и любит наказывать шахматных «звонарей»! Первые четыре встречи протекали с переменным успехом и дали ничейные результаты. Пятая партия была отложена, но очко у Корчного было в кармане, и Мекинг действительно сдался без игры.

Мекинг импортировал секунданта из Швеции — молодого гроссмейстера Ульфа Андерссона. Посмотрим, чем он ему сможет помочь. Несколько слов о других секундантах. Со Спасским снова Игорь Бондаревский, который не был с ним во время матча с Фишером. У Петросяна новый тренер — Игорь Зайцев. У Корчного попрежнему его друг Вячеслав Оснос. Дуэт А. Карпов — С. Фурман сотрудничает уже несколько лет. Полугаевскому помогает бакинский мастер Владимир Багиров.

На сцене гроссмейстеров пера — в уютном Доме литераторов ведут свой спортивный и творческий спор А. Карпов и Л. Полугаевский. Оба они дебютанты в матч-турнире претендентов. Полугаевский попал в число соискателей после нескольких попыток, молодой Карпов стал участником борьбы на первенство мира с первой же попытки.

Тем, кто в лице Карпова видит финалиста и даже будущего чемпиона мира, кажется, что Полугаевский обречен. По-моему, такая оценка несправедлива. Во всяком случае, старт в пяти партиях показал, что идет равная борьба, скорее даже с игровым преимуществом у Полугаевского. После трех ничьих Полугаевский имел позиционное преимущество, но в четвертой партии потерпел поражение. Крайне драматически протекала пятая встреча. Карпов находился на грани поражения. Однако вторую часть партии Полугаевский провел так плохо, что чуть-чуть ее не проиграл. Тут ясно одно: нервы у Карпова сильнее, а это весьма важный фактор. Партия закончилась вничью. Как известно, ничьи в этих матчах не считаются. Для ФИДЕ, для корреспондентов, зрителей, читателей это легко написать, увидеть, прочесть. Но каково было Полугаевскому пережить упущенные возможности? Такая ничья шахматисту стоит пуд здоровья...

На четырех фронтах старт взят (в Пуэрто-Рико, может быть, близок даже финиш). На всех фронтах счет открыт. Жаль, что в Москве только один матч. Но мы надеемся, что наши гроссмейстеры успешно проведут четвертьфиналы, и в таком случае мы увидим оба полуфинала у себя дома.

2 февраля — 70 лет со дня рождения В. П. Чкалова

Рисунок народного художника РСФСР А. Яр-Кравченко

УСТРЕМЛЕННЫЙ В НЕБО

О. Э. ЧКАЛОВА

Как часто в дни великих успехов наших летчиков и космонавтов я невольно возвращаюсь мыслью к тому, кто на заре советской авиации дерзновенно мечтал «облететь вокруг шарика»,— к Валерию Павловичу Чкалову.

Давно его родное приволжское село Василево стало городом Чкаловском. Но и поныне рядом с домом пилота стоит в ангаре легендарный АНТ-25. В тридцатые годы он был гордостью советского авиастроения. Теперь посетители домамузея с удивлением смотрят на конструкцию из тонкого дюраля, кожи, фанеры... Им трудно поверить, что на этой машине можно было пересечь Северный полюс и достичь Американского континента.

После этого исторического полета о Чкалове французы говорили, что он «неустрашимый шеф-пилот Советов». В Америке, в клубе исследователей, его пригласили расписаться на глобусе рядом с подписями Амундсена, Нансена и других великих первооткрывателей.

Но до того, как к Валерию Павловичу пришла мировая слава, ему пришлось пережить долгие и трудные годы будней и поисков. Пятнадцатилетним мальчиком он впервые увидел над Волгой летящий самолет. Но... до штурвала самолета было очень еще далеко. Сначала он уходит в плавание кочегаром на волжском пароходе «Баян»: надо зарабатывать деньги, помогать семье. Осенью 1919 года вступает в Красную Армию добровольцем. И лишь в конце гражданской войны командование направляет его в авиационную школу. Так сбылась его заветная мечта — летать и искать новое...

Но не все понимали тогда характер его поисков, считали их безрассудством и нарушением установленных правил полетов.

Октябрьские праздники 1927 года. Воздушный парад в небе столицы... Валерий пишет мне в Ленинград: «Лелик. Ты не можешь себе представить, что я сделал здесь своим полетом. Весь аэродром кричал и аплодировал моим фигурам. Мне разрешили здесь делать любую фигуру и на любой высоте. То, за что я сидел на гауптвахте, здесь отмечено особым приказом...»

В 1933 году Валерий Чкалов получает приглашение работать летчиком-испытателем. Вот род деятельности, где его энергия, смелость и пытливый ум исследователя раскрылись во всей полноте! Не многие знают, что истребитель И-16, сыгравший большую роль в Отечественной войне, сначала не получил рекомендацию в серийное производство. По расчетам видных специалистов самолет не мог выйти из штопора. Иного мнения придерживались, пожалуй, лишь конструктор И-16 Н. Н. Поликарпов и летчик Валерий Чкалов. Чтобы дать «путевку в жизнь» полюбившейся машине, Чкалов идет на величайший риск: на глазах у комиссии, которая должна была решить судьбу самолета, он вводит машину в штопор и у самой земли переводит ее в горизонтальный полет...

В мае 1935 года после исполнения на первомайском параде фигур высшего пилотажа Чкалов был награжден орденом Ленина.

Первый дальний перелет по маршруту Москва — Петропавловск-на-Камчатке проходил в тяжелейших условиях. Летчики Чкалов, Байдуков и штурман Беляков пробивались сквозь мощные циклоны, летели в сплошном тумане Охотского моря. Только находчивость и мужество позволили им посадить тяжелый АНТ-25 на гальку острова Удд.

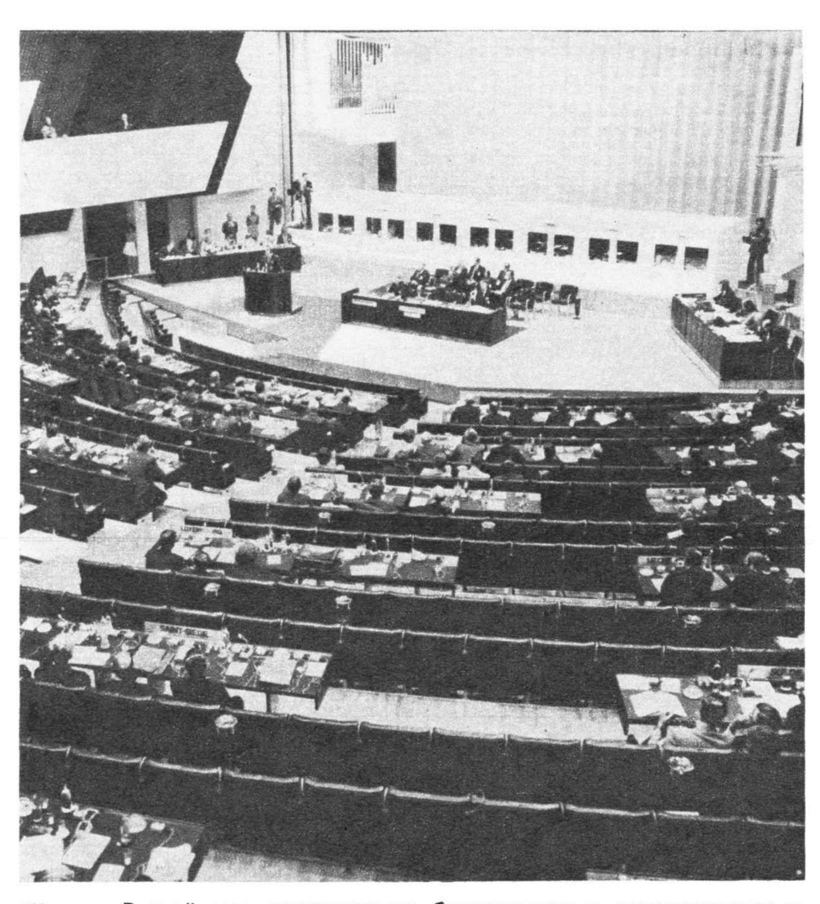
А в августе в жизни Валерия Павловича произошло большое событие: он стал членом партии. Он был среди тех немногих, кто был принят в партию непосредственно Центральным Комитетом.

Вскоре правительство разрешило экипажу Чкалова готовиться к новому перелету — через Северный полюс в Америку. Снова в нашей квартире до поздней ночи трое мечтателей вели бесконечные споры и обсуждения.

Во многом маршрут АНТ-25 был полетом в неизвестность. Позже выяснилось, что запас кислорода мог обеспечить экипаж лишь на восемь часов. А летчики провели на высоте свыше пяти тысяч метров при острой нехватке живительного газа более сорока часов! Судьба перелета немало зависела от летного таланта и самоотверженности авиаторов. Полет через полюс в Америку имел огромное значение не только потому, что явился мировым достижением. Этот полет способствовал сближению двух стран. Американский народ с восторгом следил за краснозвездным АНТ-25 и его мужественным экипажем. Президент Рузвельт прислал нашим летчикам на место их посадки в Портланд приветственную телеграмму.

Выступая на митинге в НьюЙорке, Чкалов сказал: «Никакие циклоны, никакие полярные штормы не могли нас остановить, ибо мы выполняли волю своего народа... Наш полет является достоянием рабочего класса всего мира. Мы, три летчика, вышедшие из рабочего класса, можем творить и работать только для трудящихся!»

Эти слова Валерий Павлович подтверждал всей своей жизнью...

Женева. Второй этап совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Совместное заседание трех комиссий в зале Международного центра конференций.

Фото АДН — ТАСС.

ЭСТАФЕТА ХЕЛЬСИНКИ

Игорь МЕЛЬНИКОВ

Приняв старт в столице Финляндии, общеевропейский форум продолжил затем свою деятельность в Женеве. Мне довелось побывать здесь три раза. Память запечатлела и острые дискуссии в Международном центре конференций, и беседы в кулуарах с известными дипломатами, и личные встречи с простыми людьми, ярко подчеркнувшие важное значение совещания для миллионов европейцев.

По пути к берегам Женевского озера я остановился в небольшом западногерманском городе Ландсберге. Отправился бродить по вечерним улицам. И увидел местную достопримечательность — календарный столб с барометром. Вгляделся в шкалу — стрелка показывала на «ясно».

В Женеве я рассказал об этой ландсбергской достопримечательности главе делегации ФРГ Гвидо Бруннеру и спросил, можно ли показание этого барометра распространить и на политический климат женевского форума? Утвердительно кивнув, он сказал:

— Если говорить о событиях, подготовивших атмосферу этого совещания, то я в первую очередь должен напомнить о договоре, который заключили ФРГ и Советский Союз. Затем последовали четырехстороннее соглашение по Западному Берлину, польско-западногерманский договор, договор об основах отношений между ФРГ и ГДР. Все это доказало, насколько реальной является политика разрядки, и шаг за шагом приближало проведение конференции. Чрезвычайно большую роль сыграл визит Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Бонн. Его переговоры с федеральным канцлером Вилли Брандтом не только содействовали улучшению двухсторонних отношений между нашими странами, но и коренным образом способствовали дальнейшему развитию политики взаимопонимания и сотрудничества в Европе.

Четыреста дипломатов из 33 стран европейского континента, а также из США и Канады проводили плодотворную работу в новом здании Международного центра конференций. После первого совместного заседания делегаты распределились на три комиссии. В ведении первой находятся вопросы безопасности в Европе; второй — проблемы сотрудничества в области экономики, науки, техники и окружающей среды; третьей — проблемы сотрудничества в гуманитарных и других областях.

— Полагаю,— сказал в беседе со мной глава делегации Финляндии Якко Илониеми,— что в оценке роли второго этапа не может быть разных мнений. Если хельсинкская фаза, проходившая на уровне министров, поставила перед нами определенные цели, то женевская фаза является рабочей. Она продолжает принципиальную линию первого этапа.

С первого же дня работы совещания я обратил внимание на то, что корреспонденты засыпали вопросами представителей не только крупных держав. Не менее часто их можно было видеть беседующими с делегатами Швейцарии, Австрии, Норвегии, Люксембурга — словом, тех государств, которые в Западной Европе принято называть «малыми». Десятилетиями этим странам отводилась на континенте подчиненная роль. События последних лет существенно изменили положение вещей. Советский Союз, следуя принятой XXIV съездом КПСС Программе мира, призвал к тому, чтобы крупные вопросы международных отношений в Европе решались на этом совещании сообща всеми странами континента, а не какими-то избранными, как бывало в прошлом.

— Я давно работаю на дипломатическом поприще,— говорил мне советник бельгийской делегации Роже Прюес,— и на основе собственного опыта считаю, что сейчас малые страны по-настоящему пришли в большую политику. В Женеве их представители действуют, на мой взгляд, очень эффективно. Это внушает оптимизм.

...Спустя два месяца я снова в Женеве. Город оделся в снежный наряд, а озеро приобрело какой-то свинцовый оттенок. Необычно поредел на улицах поток автомобилей — дает о себе знать энергетический кризис, который не обошел и Швейцарию.

Несколько иначе выглядел и Международный центр конференций. В залах и фойе строгая, деловая обстановка, нет того ажиотажа, который был заметен в первые дни. На лицах многих делегатов заметна тень некоторой усталости — явление вполне понятное, ибо позади остались почти три месяца детализированных, порой очень нелегких дискуссий, множество заседаний координационного комитета, комиссий, подкомиссий. Главное направление работы совещания — выработка политического документа, который призван заложить основы европейского мира. Проект такого документа — Генеральная декларация об основах европейской безопасности и принципах отношений между государствами в Европе — уже составлен участниками совещания.

— У делегатов социалистических стран,— сказал мне глава делегации ГДР Зигфрид Бок,— есть искреннее и твердое желание: успешнее развернуть женевскую фазу для плодотворного, третьего, заключительного этапа.

— Стало ли, на ваш взгляд, общеевропейское совещание «школой содружества» государств с различным социальным строем?

— Безусловно. Атмосфера деятельного сотрудничества, конструктивного договора утвердилась и в Хельсинки и в Женеве,— отвечает З. Бок и с усмешкой добавляет: — Возможно, сегодня не все еще достаточно прилежно учатся в этой «школе». Представители некоторых западных делегаций не прочь бы остаться на второй год в том же классе. Подчас им не хватает или знаний или старания, так как иногда они выступали по шпаргалкам времен «холодной войны». Гораздо важнее, однако, другое: отпор, который получают противники разрядки, встречает понимание и поддержку подавляющего большинства делегаций.

В европейских столицах и по ту сторону Атлантики осмысливаются итоги напряженного труда, обсуждаются перспективы дальнейшей деятельности. Основное внимание привлекает вопрос: какими должны стать дальнейшие шаги после совещания? Об этом говорилось еще в период консультаций в Хельсинки. Чехословацкая делегация на первом этапе совещания внесла проект решения о консультативном комитете по вопросам безопасности и сотрудничества. Как известно, в декабрьском заседании координационного комитета в Женеве делегации социалистических государств, а также представители Финляндии, Швеции, Швейцарии, Норвегии поддержали это предложение.

— Процесс разрядки,— сказал в беседе со мной глава делегации ЧССР О. Павловски,— не является легким и простым. Полная расчистка завалов «холодной войны» требует не только больших усилий, но и довольно длительного времени. Исходя из этого, нам думается, что нынешнее совещание может сделать новый шаг в преодолении многих препятствий. А это означает, что после успешного проведения общеевропейского совещания необходимо не только осуществлять его решения, но и заниматься подготовкой последующих совещаний. Такую точку зрения поддерживают не только социалистические страны, но и многие государства Запада.

Женева. (По телефону.)

Арвид Янович
ПЕЛЬШЕ.
К 75-летию со дня рождения.

Фото И. ФИЛАТОВА.

Ф. Сидоров. ЛЕСНИЧЕСТВО.

Николай ШУМАКОВ

БЕСПОКОЙСТВО

Поезда

Экспрессы
Пролетают беспрестанно,
Сияет в небе
Первая звезда.
На тихом,
Отдаленном полустанке
Мальчишки
Провожают поезда.
И я когда-то
Этим тоже бредил,
Себя готовя
В дальний синий рейс.
И слушал, поезд едет
Иль не едет?..
И грел щекой
Продрогший черный рельс.
Мы время
Измеряли поездами...
Могли хоть год
Смотреть из-под руки.
Хранили,
Как победные медали,
Расплющенные
Тонко
Пятаки.
Умчалось детство.
Новые заботы...
Но до сих пор
Во мне живут, как вздох,
Мигание огней
На поворотах,
Ночная
Перекличка
Поездов...

Страда

Страда!
Я это слово
С детства знаю.
Я с ним знаком
Еще с времен сохи.
И сводки об уборке урожая
Читаю, как хорошие стихи.
Колхозные,
Земельные проблемы
Мне дороги,
Как боль души, близки.
И любо мне,
Что на полях
Поэмы
Из года в год
Слагают земляки...

* * *

Здравствуй, дом на колесах.
До свиданья, райком.
Вижу, машет с откоса
Кто-то белым платком.

Вольный ветер по-свойски
Куртку рвет на груди.
Впереди — беспокойство,
Тишь да гладь — позади.

Впереди — перегоны,
Строгий профиль мостов,
Гор отвесные склоны,
Песня ливня без слов.

Ярость дерзкой взрывчатки.
Рек холодная ртуть.
Вьюги злобной рычанье,
И в грядущее путь.

Пусть хлебну я немало,
Не ищу, где теплей...
Будут пахнуть металлом
Годы жизни моей...

Здравствуй, поезд зеленый,
Спутник ливней и вьюг,
Я, в работу влюбленный,—
Твой испытанный друг...

В лесу

Колдуй, кукушечка, колдуй!
Кукуй, пока кукуется.
Я по лесу легко иду,
Как по знакомой улице.

А запахи, как мед, густы,
Кукуй, кукушка, звонче!
Здесь каждый куст со мной
на «ты» —
Мы с лесом с детства родичи.

Вот дуб, задумавшись, молчит,
Три века трудных выстояв.
А солнце нижет на лучи
Чеканки звонкой листья.

Под ним я с книжкою сидел
На солнечной опушке.
Здесь детским сердцем завладел
Кудесник слова — Пушкин.

Кукуй, кукушка, ясный свет,
И радостно и просто.
Я прожил мало — тридцать лет.
Считай до девяноста!

Запорожский дуб

Стоит века
На древней Хортице.
В историю корнями врос.
И лишь кора
Сурово морщится
Под серебром прохладных рос.
Над кроной дуба-великана
Плывут эскадры облаков.
Когда-то здесь
Письмо султану
Писал с казаками Сирко...
А много позже,
В день угрюмый,
Когда закат,
Как уголь, гас,
Под легендарным дубом
В думы
Был погружен кобзарь Тарас.
И звуки слов его
Горячих
Крылатый ветер
С уст срывал.
И нес,
Как яркий свет незрячим,
И на борьбу уставших звал.
Ветвей густых
Шумело знамя
И ствол, как древко,
Рвался ввысь.
Был этот день
Вчеканен в память,
Как этот дуб
Вчеканен в жизнь.
Он слышит голос
Стали звонкой,
Здесь солнце новое куют,
Лихих буденновцев потомки
Дорогой верности идут.
Стоит века
На древней Хортице,
В историю корнями врос.
И лишь кора
Сурово морщится
Под серебром прохладных рос.

Осень

Отзвенели
До июня косы,
Вновь щеглы
Мечтают о тепле...
Ранняя — седеющая —
Осень
Босиком ступает
По земле.
Медленно бредет
По пожням блеклым,
Колет ноги
Жесткое жнивье.
На лугах
И на дубравах мокрых
Тень видна
Печальная ее.
Но пригреет лишь —
И под росою
Лист блеснет,
Как будто бы литой.
Осень, словно
Девушку с косою,
Называют нежно — золотой.

Усталость

Усталость эта —
Как награда
За плодотворный,
Щедрый труд.
Труд и усталость
Всюду рядом.
Они, как день
И ночь, живут.
И я, дерзавший
В разных робах —
Шахтера,
Пахаря,
Бойца,—
Пою усталость хлебороба,
Умельца,
Воина,
Творца...

Журавли

Звук прощальный и звонкий
В небе грустном витает,
Из родимой
сторонки
Журавли
улетают...
С небосвода
печального
Смотрит солнце
невесело,
Будто флаги
прощальные,
Облака
поразвесило.
Журавли, словно
льдинки,
Тают в мареве
синем.
И как слезы,
росинки
На лужайках
России...

Матери

Приду к тебе
И руку поцелую,
На миг, как в детстве,
Молча припаду.
И вновь тебя увижу,
Не седую,
Какой видал
В сороковом году.
Шершавою рукой
Меня погладишь
И, покормив,
Уложишь отдыхать.
Цветное одеялишко
Поправишь,
В ногах
Присядешь тихо на кровать.
И будешь задавать
Свои вопросы:
О внучках,
О невестке
И о том,
Зачем курю
Так часто папиросы
И думаю ль
Вернуться в отчий дом.
В окно большое
Будут видны звезды,
И долу будет
Месяц бить челом.
...Но этого не будет, мама.
Поздно...
Вдали печальный холмик
за селом.

ЦЫГАН

Анатолий **КАЛИНИН**

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

И Тимофей Ильич видел, как при этих словах, взяв Грома обеими ладонями за морду, она поворачивает ее к себе, заглядывая в глаза, и Гром безропотно позволяет ей все это делать, по-собачьи пригибая назад уши. Чем больше Тимофей Ильич на все это смотрел, тем меньше понимал.

Но тут вдруг Клавдия сама обернулась к нему.

— Если вы, Тимофей Ильич, ко мне, то я сейчас,— сказала она тоном гостеприимной хозяйки, как будто бы ничего не произошло между ними сегодня утром.

Однако Тимофей Ильич не захотел принимать от нее этот подарок.

— Нет, Пухлякова, не к тебе,— ответил он сухо.

Не замечая или же делая вид, что не замечает этой сухости в его голосе, она продолжала все в том же несвойственном ей тоне:

— Так бы вы, Тимофей Ильич, сразу и сказали, что это не какой-нибудь, а чистокровный донской жеребец.— Зарываясь рукой в гриву жеребца, она струила ее между пальцев.— Это же совсем другое дело.

— По-моему, я так и говорил,— буркнул Тимофей Ильич.

— Значит, надо было потверже, а то, я помню, вашего голоса сегодня на правлении совсем не было слышно.

— Зато тебя, Клавдия Петровна, было слышно. С тобой не шибко разговоришься.

Она воркующе засмеялась.

— Какой же вы председатель колхоза, если не умеете при надобности других членов правления к порядку призвать. Значит, нужно было свою власть употребить.

— С тобой употребишь!

Клавдия охотно согласилась:

— Я, как женщина, иногда, конечно, могу и из берегов выйти, а ваша обязанность — меня в них обратно завести. Для того вас и избрали.

Она явно издевалась над ним, он хорошо видел, как зубы у нее вспыхивали в темноте в неудержимой улыбке. И самое лучшее было после того, что он уже наслушался от нее утром, пропускать ее слова мимо ушей, что бы она ни говорила. Пусть себе тренируется перед новыми выпадами на предстоящем отчетно-выборном собрании в колхозе.

— Некогда мне с тобой еще и здесь прения разводить,— сказал он, отвязывая уздечку от стояна забора.

— Нет, Тимофей Ильич, еще попреем немножко.— Одной рукой она перехватила уздечку, в то время как другой не переставала оглаживать гриву и морду Грома мягкими прикосновениями ладони. С той же уступчивостью в голосе она предупредила: — Не надо, Тимофей Ильич, так дергать. Раз он племенной, то, значит, и соответствующее обхождение с ним должно быть. Не так, как со всеми другими нашими лошадьми.

Все больше не нравилась Тимофею Ильичу эта ее уступчивость. Пусть кого-нибудь другого попытается обмануть, он же предпочитал иметь дело с той Клавдией Пухляковой, которая обычно разговаривает с ним не таким журчащим голосом. Так по крайней мере привычнее, хотя, конечно, тоже не сладко. Все же он решил выяснить, что за всем этим может скрываться и, не отпуская уздечку, которую Клавдия тянула у него из руки, спросил:

— Например?

— Например, если на других лошадях у нас в колхозе моторы от тракторов возят, нагрузят на подводу и стегают коней всю дорогу до «Сельхозтехники», то он не для этого назначен.

— Для чего же он, по-твоему, назначен? — с трудом сдерживаясь, спросил Тимофей Ильич.

— Вы и сами должны знать, раз за него такие деньги решились заплатить,— бесхитростно ответила она, все так же лаская жеребца, даже прижимаясь к его морде щекой. И он, этот без году неделя появившийся в колхозном табуне Гром, тоже норовил потереться своей мордой о ее плечо.— Да, Громушка, да,— разговаривала она еще и с ним между словами разговора с Тимофеем Ильичом.— Я тоже все помню, но об этом мы еще успеем с тобой потом, после...— Она возвращалась к Тимофею Ильичу.— И под седлом по нашей жаре, как вы знаете, ему вредно ходить.

— Что же мне теперь его ради мебели держать?

Еще больше его возмущало, выводило из себя, что иногда она, казалось, и совсем не слышала его слов, целиком занятая своими нежностями с этим Громом.

— Если бы, Громушка, я могла знать, я бы прихватила для тебя хлеба или глудочку сахара, а теперь наш председатель вряд ли мне позволит сходить за ними в дом. Он на меня сегодня злой. Но если он когда-нибудь вздумает плетку на тебя поднять, ты, Гром, пожалуйста, мне только глазом моргни. Мы на него тоже уздечку найдем.

Это было уже слишком. Тимофей Ильич взорвался:

— Вот, вот ты еще проведи тут со мной семинар по конскому вопросу, Пухлякова. Поучи, какое мне нужно обхождение с лошадьми иметь, а то я в этих вещах совсем ничего не понимаю.

Тут же он и пожалел, что не сдержался, закатил перед нею целую речь, а она и не слышала ее. В то время как он выступал, она продолжала ласково бормотать на ухо жеребцу:

— А может быть, Громушка, он и разрешит, если мы его, конечно, получше попросим. Это он только снаружи такой неподступный, я его давно знаю.

И при этом зрачок ее глаза, скошенного в сторону Тимофея Ильича, искрился в полумгле звездной ночи рядом с искрящимся зрачком Грома. Но эта подкупающая нежность в ее голосе теперь уже явно предназначалась не только Грому. Тимофей Ильич хорошо это понимал. А потому и убираться надо было отсюда немедленно, пока эта вероломная женщина еще не успела растопить ему своей ласковостью сердце. Тимофей Ильич сильнее потянул к себе из руки Клавдии уздечку, дернул к себе и полностью завладел ею. Не мешкая, тут же и повел жеребца от двора Клавдии. Тогда она мстительно прокричала вдогонку:

— Так, Громушка, и запиши, прибегай жаловаться прямо ко мне. Я там не знаю, тыщу или две тыщи за тебя наш председатель отдал, но если он и в самом деле захочет попробовать твою шкуру плеткой, я с него принародно не шкуру, а кое-что другое спущу.

Предпочитая совсем ничего не отвечать на эти слова, Тимофей Ильич молча вскинул в седло свое грузноватое тело. Жеребец только вздохнул под ним... И спустит, за этим у нее не станет. Знал бы он, как может обернуться дело, ни за что бы не связывался с этой покупкой. У него, слава богу, и без этого есть пока на чем совершать свои объезды полей и ферм, особенно после того, как удалось наконец заменить отслужившую все свои сроки «Победу» на «Волгу». А со своей тайной печалью, что от «Волги», конечно, пахнет совсем не конским духом, он как-нибудь справится сам, как справлялся до сих пор. В конце концов это действительно и слабость его и блажь, а он еще не пенсионер, чтобы распускать нюни.

Но, разворачивая Грома перед двором Клавдии, он все же не мог отказать себе в удовольствии мимоходом притиснуть ее к забору и был крайне раздосадован, когда этот жеребец, не послушав движения поводьев и взмотнув головой, осторожно обошел ее стороной. Клавдия захохотала:

— Смотрите, Тимофей Ильич, я теперь за него буду с вас на правлении персональную стружку снимать.

Вот же вздорная баба! Тимофей Ильич удержался от ругательства в самый последний момент, но все же прошептал его маленьким язычком. Знает и насчет этой стружки, которую с председателя колхоза старается содрать всякий, кому не лень. Как только новая перестройка в сельском хозяйстве, так и новая стружка. Скоро уже до костей доберутся, особенно если и на местах каждому давать право фуговать руководителей колхозов почем зря. А теперь еще из-за этого жеребца решила его на мушке держать. Ради этого он, оказывается, и уговаривал генерала Стрепетова его продать. Если так, то недолго эту дорогостоящую покупку и обратно вернуть.

Вдогонку она кричала ему еще какие-то явно угрожающие слова вперемешку с ласковыми словами Грому, но, к счастью, их относило в сторону ветром с Дона. И все это в благодарность за то, что он только что думал, как бы отремонтировать, а может, и построить ей за счет колхоза дом, хотя она, конечно, и не знала об этом. Но если б и знала, все равно рассчитывать на ее благодарность не пришлось бы. Скорее можно дождаться чего-нибудь другого. Еще тебе же и расхохочется на заседании правления в лицо: «С чего это вы, Тимофей Ильич, вдруг сделались для меня таким благодетелем? Уж не думаете ли вы этими досками мою критику зашить, чтобы и я вам только головой кивала, как ваш заместитель или главный бухгалтер? Нет, уж лучше вы поскорей зашейте этими досками щели в той же школе, где детишки зимой и в теплых шубах зубами лязгают, и залатайте этим шифером крыши одиноким старухам, чтобы они не считали звезды сквозь потолок. А я как-нибудь и без вашей доброты обойдусь. У меня, слава богу, еще свои руки есть».

И Тимофею Ильичу с такой осязаемой выразительностью представилось, как она публично одергивает и отчитывает его за его же заботу о ней, что он тут же мысленно отру-

Продолжение. См. «Огонек» № 5.

бил: нет, нарываться на ее благодарность он не станет. У председателя колхоза тоже своя гордость должна быть. И раз она сама не просит, значит, у нее не горит. А куренек у нее не такой уж никудышный. Эти казачьи курени под чаканом только на вид бывают ветхие, а стоят по сто лет. И тот же полковник, как умный человек, должен понять, что для колхоза еще не подошло время на общественные средства людям хоромы отстраивать. Еще неизвестно, как на это захочет общее собрание посмотреть: у Клавдии Пухляковой за ее язык тоже найдутся враги. Тем более что у колхоза действительно столько самых вопиющих прорех: та же школа и те же одинокие старухи, которые в своих флигельках почти как под открытым небом живут. На этот счет Тимофей Ильич полностью с Клавдией Пухляковой согласен.

Он окончательно подытожил: «Подождет». Но какой-то червячок все время, пока он берегом Дона ехал из хутора в станицу, шевелился где-то у него внутри и всю дорогу ему не хватало еще какого-то звена в логической цепи его рассуждений, пока перед самой станицей он вдруг не ухватился за него: а там и Ваня, ее сын, в офицеры выйдет, начнет своей родной матушке из своего военного жалованья помогать. Захочет, отремонтирует, а захочет, так и новый кирпичный дом ей поставит, с низами. У нас в армии кадровым офицерам, доблестным защитникам мирного труда своего народа, хорошо платят.

Останавливаясь на этом выводе, Тимофей Ильич совсем повеселел, мысли его вернулись в первоначальное русло. Он и Грома уже не дергал за поводья, как первую половину пути, когда перед его мысленным взором выплывало насмешливое, улыбающееся лицо Клавдии. Как-никак, а день, начавшийся с таких неприятностей по ее вине, окончился для него более чем успешно в ее же доме. И за это спасибо. Четыре почти новых бортовых машины по нынешнему времени для колхоза находка. Теперь будет на чем и стройматериалы для клуба и минеральные удобрения со станции Артем возить, а ту, что с двумя ведущими осями, можно будет выделить специально для транспортировки доярок на ферму. Давно уже пора перестать им в любую погоду, часто по грязи и в пургу, два раза на день по четыре километра туда и обратно курсировать.

Продолжая планировать, как лучше будет распорядиться этими чуть ли не с неба свалившимися машинами, Тимофей Ильич второй раз за вечер засмеялся наедине с самим собой. Тот, кто повстречался бы с ним на береговой дороге в этот момент, наверняка бы встречно улыбнулся, увидев, как смеется, даже начинает что-то чертить рукой в воздухе председатель колхоза, оживленно беседуя с самим собой. Но от хутора вплоть до самой станицы так и не произошло у него никаких встреч потому, что уже было поздно, совсем темно. К этому времени обычно уже замирало всякое движение на придонском проселке. Все давно уже утонуло в теплом осеннем тумане, из которого едва светился слева Дон.

Но этот новокупленный жеребец, из-за которого Тимофею Ильичу пришлось пережить сегодня столько горьких минут, уверенно находил дорогу и в тумане. Несмотря на то, что возить по ней своего нового хозяина ему до этого пришлось совсем немного. Задумавшись, Тимофей Ильич давно уже бросил поводья на луку седла. Умная лошадь; пожалуй, действительно будет грех использовать ее под седлом, лучше пустить жеребца в колхозный табунок, пусть улучшает племя. Только уж очень глубоко вздыхает иногда, задрожит от головы до ног, как о чем-то вспомнит, и опять идет спокойно, не сбиваясь с дороги. Глазастый, видит и сквозь туман. А может, и потому, что до этого, по словам генерала Стрепетова, побывал в руках у какого-то цыгана-табунщика, у него науку прошел. Они по этой части мастера. Недаром генерал Стрепетов согласился и расстаться с ним только потому, что после разлуки со своим прежним хозяином, который в один прекрасный день сбежал с конезавода вместе с другими цыганами за ветром, совсем испортился жеребец. На версту никого к себе не подпускал, грыз и людей и всех других жеребцов в табуне, а новому табунщику при первом же знакомстве устроил такой экзамен, что тот и теперь еще в гипсе лежит. «Если бы не какой-то дьявол в него вселился, ни за что бы его тебе не видать,— откровенно сказал Тимофею Ильичу на прощание генерал Стрепетов.— Но смотри, как бы он и с тобой не сделал того, чего не удалось сделать фрицам».

При воспоминании об этом напутствии сво-

его бывшего комдива Тимофей Ильич не без тщеславия улыбнулся, подумав, как изумился бы тот, увидев его спокойно разъезжающим по полям колхоза на этом цыганском дьяволе. Понятно, и без урона не обошлось, никто не знает, сколько до этого раз Тимофею Ильичу пришлось кувыркаться через голову жеребца. Приучая его к себе, Тимофей Ильич заезжал в степи в самую глушь, в Исаевскую балку, и там пикировал из седла без всяких свидетелей. Но поводьев из своих рук он так ни разу и не выпустил. Если лошадь умная, то она прежде всего должна оценить твердую руку. У этого же Грома ума хватит на целый табун, и он вскоре уже перестал позволять себе свои номера: внезапно останавливаться на всем скаку или же носить седока на дыбках, как в цирке. Хотя и теперь еще иногда нападает на него буйство, стоит только потерять бдительность, он сразу замечает.

А пока пусть себе улучшает в небольшом колхозном табуне племя. Но когда Тимофею Ильичу будет становиться совсем невтерпеж, он все-таки будет брать этого цыганского жеребца под седло, чтобы поездить на нем. Невзирая на всякие возможные выпады со стороны той же Клавдии Пухляковой. Пусть говорит, что хочет, тут он ей не уступит, да это и не в его силах. Потому что никакой женщине не дано понять, как исподволь может подкраться и навалиться эта тоска на человека, у которого самая главная часть его жизни — от первого до последнего дня войны — прошла в седле. Как не понять и того, что воспоминания о товарищах, которые навсегда остались лежать под Кизляром, под Ростовом и в венгерском ущелье Ойтоз, ни в какое иное время не посещают с такой обжигающей яростью, как под это поскрипывание седла в такт конскому шагу.

* *
*

Рано утром, укладывая в сундучок Будулая сумку с харчами, Клавдия Андриановна пожалела его:

— Он вас своим казакоедом совсем замучил. Поспать не дал.

— Где-нибудь под лесополосой отосплюсь,— успокоил ее Будулай.

Оглянувшись на дверь дома, из которой еще не выходил Привалов, она коснулась щеки Будулая облачком своих дымчатых, как паутинка, волос.

— Но вы за это слишком сильно не обижайтесь на него, хорошо? Это он оттого, что боится.— Встречаясь со взглядом Будулая, она подтвердила: — Да. Никогда и ничего не боялся, а теперь стал бояться одного: как бы нечаянно не дали в обиду и не утратили того, что он привык защищать всю свою жизнь. От того самого дня, когда со своим приваловским звеном в Красную Армию ушел, и до Дня Победы. Вот и выходит из себя, когда ему начинает казаться, что кто-нибудь может этому причинить ущерб, и сразу же со своей защитой спешит. Как будто, если он теперь не подставит свою грудь, завтра уже будет некому. А жизнь уже почти прожита. Это у него в крови. Вы, Будулай, не обижайтесь на него.

В этом месте насмешливый голос Привалова переспросил у нее:

— Это за что же, по-твоему, он может обидеться на меня?

Почему-то вышел он проводить Будулая в дальнейший путь не в своем чесучовом кителе без погон, а в том самом, с полковничьими погонами, который Будулай видел из-за двери, приоткрытой в соседнюю комнату, при всех своих орденах и медалях. Между ними четыре ордена Красного Знамени теснились друг к другу в особом ряду.

К удивлению Будулая, сама же Клавдия Андриановна и разоблачила себя:

— За то, что ты, как гостеприимный хозяин, ему спать не дал.

Привалов встретил ее упрек спокойно.

— Ничего. На то он и бывший фронтовой разведчик, чтобы по ночам не спать. Я, может быть, по его милости вообще чуть не погиб, когда из-за этого коня, украденного из конюшен бывшего румынского короля Михая, вынужден был из рук маршала Толбухина штрафной кубок чистого спирта выпить. Ты бы хоть теперь признался мне, Будулай.

С седла мотоцикла Будулай покачал головой.

— Мне, Никифор Иванович, признаваться не в чем.

— Может быть, и теперь еще станешь уверять, что это не твоих рук дело?

— Не моих.

— А кто же тогда, по-твоему, мог этого жеребца из-под носа королевской стражи увести?

— Этого я, Никифор Иванович, не знаю.

— Всегда я тебе верил, Будулай, а тут, извини, не могу поверить. И ты, конечно, знаешь, почему.

Будулай вспомнил, как о том же самом спрашивал его на конезаводе генерал Стрепетов.

— Знаю. Потому что лучше цыган конокрадов не может быть.

— Ну вот, видишь, какой он догадливый.— Удовлетворенный, Привалов повернулся к Клавдии Андриановне.— А ты еще боялась, как бы он не обиделся на меня. Еще неизвестно, кому обижаться нужно. Верно, Будулай?

И, не дождавшись ответа, Привалов закатился своим детским смехом так, что ордена и медали, сталкиваясь, забренчали у него на груди.

Но теперь Будулай безошибочно знал, почему при этом глаза совсем не смеялись у него.

* *
*

Как некогда, когда проходил через хутор фронт и в доме у Клавдии стоял штаб одной из наступавших от Волги частей, так и теперь зеленая, в лиственных бликах машина стояла у ее двора, на подоконнике журчал телефон, и на той половине дома, которую занимал полковник, за полночь горел свет. Подъезжали и отъезжали запыленные мотоциклы, ступеньки стонали под ногами офицеров, приходивших к полковнику на доклад рано утром и в поздние вечерние часы, а на все остальное время дня Ваня увозил его в степь и за Дон. Возвращались они оттуда почти всегда потемному.

Заметно прибавилось у Клавдии и хлопот. Время у нее теперь было рассчитано не по часовой, а по минутной стрелке премиального будильника, стоявшего на столе. Еще раньше ей теперь надо было вставать, чтобы перед уходом на птичник успеть наготовить сразу на двух оказавшихся у нее на попечении больших и здоровых мужчин, которые, особенно когда возвращались вечером со своих занятий, все, что ни поставь перед ними на стол, как за себя бросали. Правда, полковник в первый день, когда Ваня ввел его в дом, объявил, что питаться они будут в своей военной столовой, но Клавдия встречно спросила:

— Неужто Ване и в своем доме нельзя на материнских харчах побыть?

Под ее жалобным взглядом полковник смягчился.

— Ну, хорошо, его мы на это время можем на ваше довольствие перевести, а я...

Но тут уже Клавдия решительно перебила его:

— А вы у нас тоже за это время не оторвете последний кусок. Все равно мне не два борща варить, и у нас, слава богу, не какой-нибудь отстающий колхоз.

— Ну, если не отстающий...— Полковник склонил голову, окончательно сдаваясь. Ни одного волоса не было у него на голове с пятнистыми следами давнего сплошного ожога.

С того часа, как спустилась с бугра колонна военных машин, сразу повеселел хутор Вербный. Казалось, наперекор самой осени не теми блеклыми цветами, какие пристали этому времени года, а теми, какие обычно вызывает к жизни весна, сразу и заиграли все его улицы и подворья. Все хуторские женщины как сговорились в одно и то же утро достать свои самые яркие платья и платки, которые обычно приберегались у них в шифоньерах и на дне сундуков для больших праздников и поездок в город. Не только молодые девчата, которым не привыкать уже было щеголять с голыми ляжками, но и замужние женщины, нащелкавшись за день на виноградниках секаторами, теперь еще и по ночам усиленно щелкали ножницами, срочно подгоняя длину своих юбок под новейшую моду.

Пришлось и Клавдии распахивать дверцы своего диктового шифоньера, купленного ровно за день до того июньского дня, когда мужу ее принесли из сельсовета повестку. Ей, конечно, нельзя было, как другим женщинам, похвалиться чересчур богатым выбором своих нарядов, но и не могла же она и теперь, когда в доме появился чужой человек, продолжать ходить все в одном и том же ситцевом халатике или в кофточке с грубошерстной юбкой. Хотя бы ради того, чтобы не уронить в глазах начальника своего сына Ваню.

Но когда наутро, после того как он привез полковника, она вышла из спаленки в своем, как всегда считала, лучшем бордовом платье с кружевным воротничком, которое обычно надевала только на районные слеты передовиков животноводства, она увидела вдруг, как Ваня, бегло окинув ее взглядом, зловещим полушепотом ополчился на Нюру:

— Ты здесь совсем запустила нашу мать. Ей за своим драгоценным птичником некогда в зеркало на себя глянуть, так хоть бы ты ей подсказала, что такие платья теперь носят только...

— Кто, Ваня? — перебила его Клавдия.

Из матово-смуглого лицо его сделалось медно-красным. Но и не в его характере было отказываться от своих слов.

— Старухи, мама, вот кто,— хмуро закончил он, избегая встречаться с ее взглядом.

— А я, Ваня, разве еще не старуха? — с улыбкой спросила Клавдия.

От возмущения он чуть не задохнулся и, оглядываясь на дверь в соседнюю комнату, за которой шелестел своими картами полевых занятий полковник, снова набросился на Нюру:

— Слышала?

Нюра спокойно ответила:

— Я это уже не первый раз слышу.

— И ты с этим тоже согласна?

Увидев, что она только молча пожала плечиком, он разразился целым потоком обвинений:

— Вот, вот, я и говорю, запустила так, что она уже и сама на себе поставила крест. Как будто она и в самом деле та же Лущилиха или же какая-нибудь еще более древняя бабка. За этими лехгорнами она на свою личную жизнь совсем махнула рукой, а ты ей потакаешь.

Терпеливо дослушав его до конца и откусывая зубами нитку, которой она подшивала проволочный абажур под свою укороченную выходную юбку, Нюра осведомилась:

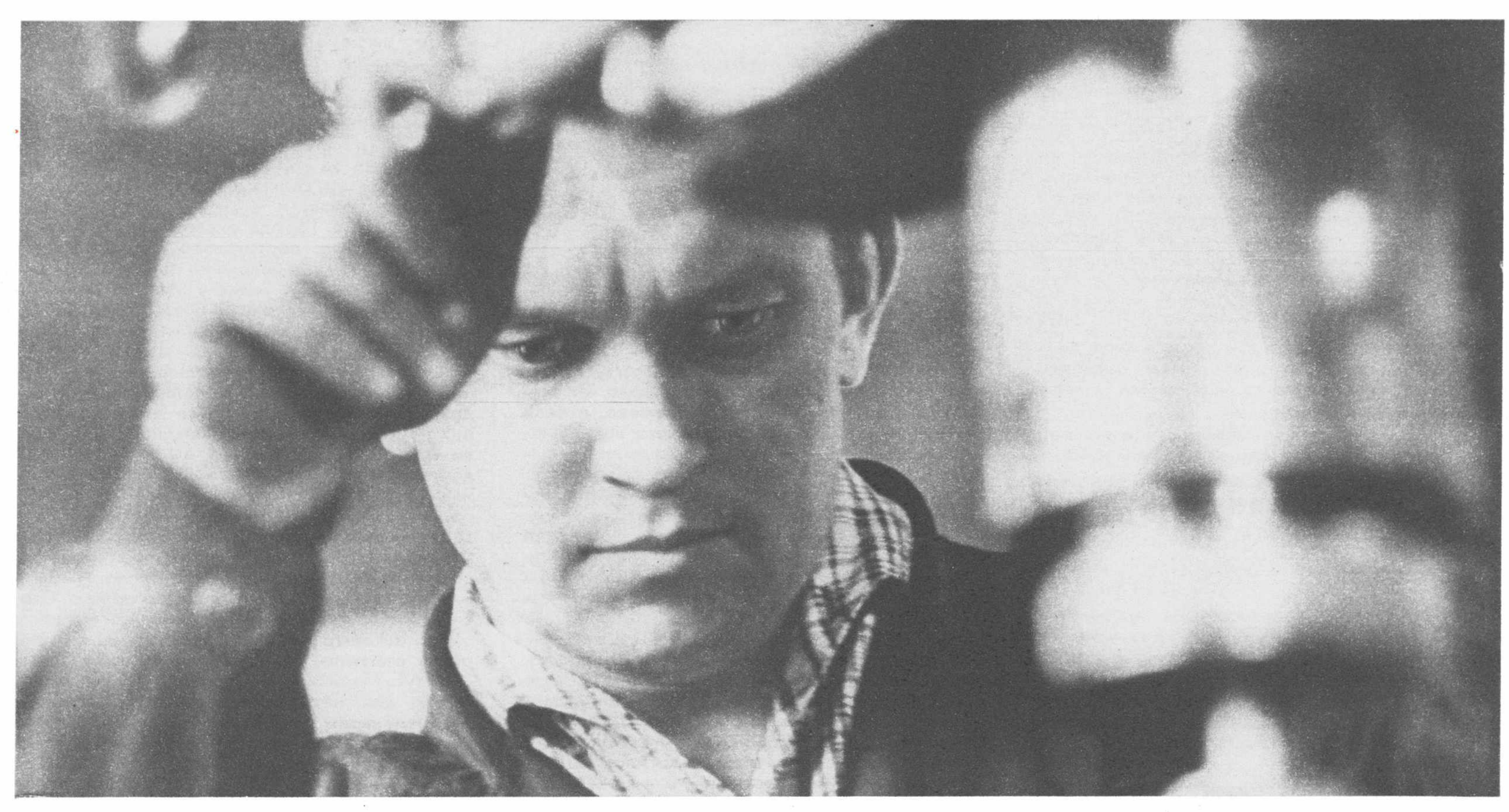
— Что же, по-твоему, мне ее с собой на танцульки брать?

Слушая их перепалку, Клавдия тихо улыбалась — и не столько тому, что для них, оказывается, небезразлично было, старая или молодая у них мать, сколько тому, что, несмотря на свои расхождения, они, похоже, не прочь были объединиться в своем критическом отношении к матери. Вот уже и общие секреты от нее появились у них. Пристроятся где-нибудь в уголке и подолгу о чем-то шепчутся, а когда она, управляясь по дому, ненароком приблизится к ним, сразу замолкают и смотрят на нее с таким откровенным выжиданием, которое не оставляло сомнений, что еще лучше будет, если она поскорее догадается опять оставить их вдвоем. Нет, из-за этого она не собиралась обижаться на них: какая же это и молодость, если у нее нет секретов от взрослых. Тем более, что и Ваня за это время, за какой-нибудь год, вдруг сразу так развернулся в плечах и вообще возмужал, что при встрече она ахнула, и Нюра по вечерам уже бесстрашно ездит с Петькой Чекуненком на мотоцикле в степь, и если не начнет вдруг смеяться без всякой причины, то упадет на подушку вниз лицом и беззвучно плачет, пока мать не приласкает ее.

Пусть секретничают и даже обсуждают свою, по их мнению, отстающую от времени мать, ее не убудет. И ее материнское сердце не могло не радоваться тому, что, повзрослев, они стали еще ближе друг к другу, как не всегда бывают между собой родные братья и сестры. Несмотря на то, что Нюра уже знала о том, о чем так и не знал еще ничего Ваня.

Но все равно: вооружаться ножницами, чтобы тоже, как другие женщины, начинать укорачивать свое платье, она, Клавдия Пухлякова, не станет.

(Продолжение следует.)

Герой Социалистического Труда Борис Владимирович Ефремов.
Фото автора.

ГЕРОЙ, СЫН ГЕРОЯ

Так уж получилось, что с Борисом Владимировичем Ефремовым я знакомился трижды. Сначала узнал о нем, прочитав газету, где был напечатан Указ о присвоении ему, токарю-расточнику завода «Ташсельмаш», звания Героя Социалистического Труда.

Второе знакомство с Ефремовым тоже было заочным. В парткоме завода. Секретарь парткома Сергей Константинович Носовец сперва вовсе не обрадовался моему визиту: больно зачастили корреспонденты на «Ташсельмаш». Но, узнав, что меня интересует Ефремов, третий по счету герой в коллективе завода, Носовец сразу подобрел, оживился.

— Борис Владимирович? Отличный человек. Настоящий коммунист, надежный товарищ, а уж тружеников таких поискать. Что в нем как в рабочем главное? Творческое отношение к труду. Если хотите, даже одержимость. Это ведь Ефремов предложил перемонтировать оборудование на участке инструментального цеха, где работала и его бригада. Перемонтировали. В результате плановое задание было перевыполнено.

Свои обязательства на девятую пятилетку Ефремов уже выполнил, даже перевыполнил: обещал завершить свой личный пятилетний план за три с половиной года, а управился на шесть месяцев раньше. Вот он каков, наш новый Герой Труда, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, кандидат в члены Центрального Комитета Компартии Узбекистана... Да вы сходите к нему в цех, посмотрите сами, как он работает.

Тут, в цехе, я и познакомился наконец с человеком, о котором уже столько слышал. Открытое лицо, высокий лоб, под широким разлетом бровей внимательный, острый взгляд. Сначала мне показалось, что я давно знаю Ефремова, не раз видел его. Стал перебирать в памяти лица одноклассников, мальчишек с нашей улицы. Спросил даже для верности, не учился ли Борис в шестьдесят четвертой школе. Нет, оказывается, я ошибся...

Рассказав Ефремову о цели своего визита, я начал фотографировать его и бригаду так, чтоб никому не мешать. Короче, без отрыва от производства. Борис все время был в движении. И я неустанно щелкал затвором, пытаясь поймать самый выразительный ракурс, самое характерное выражение лица. Ефремов заметил мои старания и смущенно пояснил:

— Вам трудно работать? Это у меня деталь такая. Требует, понимаете ли, разных видов обработки. Вот и верчусь...

Почти весь день пробыл я в цехе. Видел, как четко, уверенно, красиво работает Ефремов. Слышал в обеденный перерыв, как говорил Борис о делах заводских с Н. А. Удаловой, заточницей 14-го цеха, первым на заводе Героем Социалистического Труда. А незадолго до окончания смены наблюдал, как бригада Ефремова обсуждает дипломную работу своего руководителя, оканчивающего машиностроительный техникум. Его проект имеет непосредственное отношение к заводу и называется так: «Проект участка механического цеха по обработке деталей».

Домой мы с Ефремовым возвращались вместе. Уже переговорено обо всем, что касалось производства, и я попросил Бориса рассказать о детстве, о делах семейных. Рассказ меня, признаться, разволновал.

— Мой отец, Владимир Васильевич, в войну командовал эскадрильей. В сорок втором году возле Харькова погиб в неравном бою. Приехал к нам потом его товарищ и рассказал, что капитан Ефремов перед смертью, тяжелораненый, все-таки сумел сбить два вражеских самолета... Было мне тогда четыре года, а сестренке — восемь. После войны, в сорок восьмом году, умерла мама. Сестру хотели определить в детский дом, а меня — в Суворовское училище. Но мы не расстались, стали жить самостоятельно. Вели хозяйство, как умели. Только недолго это было. Узнала про нас чудесная женщина — Евгения Яковлевна Колобовникова и забрала к себе в дом. Ее тоже война осиротила. Оба сына — Николай и мой тезка Борис, десантники, погибли... Хорошо мы с ней жили, звали ее матерью. Вчера только я был у мамы, поздравлял с днем рождения.

Школу окончил в 1956 году и пошел на наш завод учеником расточника в кузнечное отделение. Потом отслужил в армии и вернулся на завод. Был кузнецом, фрезеровщиком и все время мечтал научиться работать на самых сложных станках, там, где не только для рук дело найдется, но и, главное, для головы. И вот десять лет назад мне представилась возможность осуществить свою мечту — освоить сложную специальность токаря-расточника. В том же 1964-м меня приняли в партию. Тогда-то я и решил учиться дальше. И теперь вот оканчиваю машиностроительный техникум. Вот и вся биография,— улыбнулся Борис.

— Простите, Борис, а семья у вас есть?

— Есть, конечно. Жена преподает в школе русский язык и литературу. Так что нам с дочкой приходится держать марку в учении, чтобы мать не подвести. Олеся учится в третьем классе, отличница. И я экзамены пока что на отлично сдаю. Да вот она, моя Олеся! — радостно сказал Борис. И я увидел девчушку с санками, раскрасневшуюся на морозе, она бежала нам навстречу.

Лицо Бориса сразу просветлело, в глазах заплясали смешинки. И я вдруг снова подумал: «Да где же я видел его раньше? Почему он кажется таким знакомым, близким?» И тут же понял: нет, не видел я прежде Бориса! Просто этот человек с таким открытым, умным, добрым лицом как бы олицетворял собою товарищей моего детства, парнишек с нашей улицы. Парнишек, которые в детстве мечтали о подвигах, вычитанных в книжке, а повзрослев, стали тянуться к подвигам реальным, жизненным, трудовым.

В. СВАРИЧЕВСКИЙ

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ГОРОДА

●

Борис СОПЕЛЬНЯК

ПРЕРВАННАЯ ВЕСНА

Марийка спешила на свидание. Когда она вбежала на самый высокий холм Стрыйского парка и упала на скамейку рядом с чернявым щеголем, сердце, казалось, вот-вот разорвется.

— Примчалась, как на первое свидание! — усмехнулся тот. И вдруг посерьезнел: — Шпицля не привела?

— Ни шпицля, ни шпика, ни филера, ни как там их еще кличут.

— Добре! Теперь запоминай,— наклонился он к самому уху Марийки.— Завтра утренним поездом отправишься в Тернополь. На углу Вокзальной и Садовой увидишь человека с клетчатой сумкой. Спросишь, как пройти на базар. Если он скажет: «На базаре еще нет цветов»,— ответишь: «А я люблю подснежники». Потом возьмешь его сумку и с вечерним поездом вернешься во Львов. Я тебя встречу...— Парень помолчал и добавил: — О плебисците «За украинскую школу» знаешь? Партия решила внести в него требования политических свобод. Но дефензива об этом пронюхала... Словом, тернопольцы провели плебисцит первыми, но у них нет типографии. Мы поможем обнародовать результаты плебисцита. Ты привезешь все документы, а мы их размножим... Будь осторожна, «Черная».

...Когда лязгающий поезд остановился у Тернопольского вокзала, Марийка не спеша вышла из вагона и отправилась в буфет. Выпила кофе, заглянула в зал ожидания, выбралась на улицу — нет, шпицля не привезла. Вздохнула и торопливо-деловой походкой пошла по Вокзальной... Вот и Садовая. На скамейке сидит немолодой пан и скучающе просматривает газету. Рядом — большая клетчатая сумка. Марийка уняла холодок в груди и как бы в нерешительности замедлила шаг.

— Не скажет ли пан, как пройти на базар? — спросила она.

Мужчина отложил газету и улыбнулся.

— Пани приезжая?

«Не он!» — решила Марийка и стала придумывать предлог, чтобы уйти.

— Пани, наверное, любит цветы? — продолжал мужчина.— Но на базаре еще нет цветов.

— А я люблю подснежники! — радостно выпалила Марийка.

— Если пани не возражает, я вас провожу,— предложил мужчина и потянулся за сумкой.

Все последующее произошло мгновенно! Из подъезда выскочили четверо молодчиков, втолкнули Марийку в одну машину, мужчину — в другую, и через десять минут они были в полиции.

Марийка протестовала, возмущалась, требовала прокурора... Вежливо, но твердо ей сказали, что кричать здесь не положено, а если произошла ошибка, то пани нечего волноваться: проверят документы и отпустят.

Два дня Марийка не находила себе места: на допросы не вызывают, домой не отпускают.

«Что бы там ни было, я этого дядьку не знаю! — решила она.— Спросила, как пройти на базар, и только. А это не улика. И что бы ни лежало в сумке, я тут ни при чем! На том и буду стоять!» На третий день ее вызвали на допрос.

— Мы все проверили,— сверкая вставными зубами, заявил желтолицый офицер.— Я даже не буду вас допрашивать. Мы просто поговорим, без протокола. Прошу садиться. Наши львовские коллеги сообщили, что вы, Мария Семеновна Ких, уроженка Новосилок Кардинальских, работаете портнихой, и, к сожалению, водите дружбу с политически неблагонадежными молодыми людьми.

Марийка протестующе вскинула брови.

— Именно этим,— с нажимом продолжал офицер,— я объясняю вашу поездку в Тернополь и встречу с господином, именующим себя Романом Грушей.

«Да, «львовские коллеги» не дремлют,— невесело подумала Марийка.— Но знают они не так уж много...»

— Никакого Романа я не знаю,— обиженно начала она.— А то, что я спросила дорогу на базар у какого-то дядьки, еще не значит, что меня можно арестовывать. И вообще, с меня хватит! — решительно поднялась Марийка.— Дайте карандаш и бумагу, я намерена написать жалобу прокурору.

— Прокурору? — ухмыльнулся офицер.— С ним вы еще встретитесь... во время судебного процесса.— И тут же вызвал конвойного.

Потянулись однообразные, как тюремная баланда, дни... А на деревьях лопались почки. Все больше хмелела весна, зеленым половодьем захлестывая хутора, города и даже тюремный двор. Две березы и один дубок, неведомо как выросшие среди истертого подошвами камня, вспыхнули зеленым светом и так дружно потянулись вверх, будто понимали, что им никогда не вырваться из-за этих стен, так хоть сверху, через тюремную ограду выглянуть на волю.

На допросы Марийку не вызывали. Но она к ним готовилась. Каждый день казалось, что именно сегодня состоится какой-то важный разговор, который перевернет всю ее жизнь. Больше всего угнетало, что бюллетени плебисцита попали в руки полиции. А ведь как надеялись на этот плебисцит! Думали, что, считаясь с волей народа, власти разрешат издавать украинские газеты и журналы, открыть школы, где дети могли бы учиться на родном украинском языке.

О себе старалась не думать. Хотя при одной мысли, что может попасть в специальную женскую тюрьму Фордон, сжималось сердце. Однажды загремел засов и надзирательница скомандовала: «Ких, с вещами!»

Марийка обмерла. Куда теперь: на волю, в другую тюрьму? А соседки по камере наперебой давали поручения.

Как это ни странно, через полчаса Марийка оказалась за воротами тюрьмы. Она щурилась от яркого солнца, жадно вдыхала терпкий воздух весны и никак не могла поверить в свое счастье. Города она совсем не знала и побрела наугад, подтрунивая над собой, что теперь ни за какие коврижки не спросит дорогу у прохожих, тем более у мужчин с клетчатыми сумками. Так она и брела, пока не почувствовала: еще шаг — и свалится от голода. К счастью, рядом оказалось кафе.

После обеда Марийка решила, что уедет вечерним поездом, а пока выполнит просьбы подруг по камере... Уже после второго визита Ких почувствовала что-то неладное. Две недели назад она не придала бы значения этой легкой тревоге, тем более что сейчас выполняла совсем невинные поручения. Но теперь, обладая хоть и небольшим, но все же опытом революционера-конспиратора, решила сама себя проверить, прибегнув к старой-престарой хитрости: остановилась около тумбы и начала возиться со шнурками сапожек. Скосила глаза: так и есть — у витрины магазина замер какой-то тип. Вот он повернулся, и Марийка отметила, что уже видела его в кафе.

И тут Марийка все поняла: ее выпустили только для того, чтобы она навела полицию на след своих товарищей. «Как хорошо, что никого из наших я здесь не знаю! — обрадовалась Ких.— А то ведь забрела бы сдуру...»

Марийка была уверена, что шпицель будет следить за ней только в Тернополе. Но когда увидела, как на перроне к нему подошел белобрысый парень и, прикурив, скучающе замер у фонаря, а шпицель с явным облегчением ушел, решила, что ее «передали» и будут сопровождать до Львова. Так оно и было. И все же Марийка попробовала улизнуть. На привокзальной площади юркнула в переулок и бросилась бежать. На первом же перекрестке перед ней вырос белобрысый парень и, стараясь не привлекать внимание прохожих, сказал:

— Пани спешит на улицу Леона Сапеги? Я вас провожу! — И крепко взял ее под руку.

«Все, конец! — стукнуло в виски.— Там — полиция».

И снова мрачная камера, бесконечные допросы, издевательства. Но серьезных улик так и не нашлось. Поэтому через шесть месяцев безрезультатного следствия Марийка оказалась на воле.

Когда полицейский фургон вез Марийку по улицам Львова, ей удалось выглянуть в зарешеченное окошко. И стало ясно: в ближайшие полгода жить ей в печально известных Бригидках. Когда-то здесь был женский монастырь, а теперь одна из самых страшных тюрем.

Однажды Марийка сюда чуть было не попала. Правда, совсем в другом качестве: тогда она в рядах демонстрантов шла освобождать политических заключенных. Это было 16 апреля 1936 года.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Все началось с убийства Владислава Козака. 14 апреля группа отчаявшихся безработных двинулась к городской управе, скандируя: «Работы! Хлеба!» На Академической улице их встретил взвод конной полиции. Вперед выскочил офицер на вороном жеребчике и тонко закричал: «Немедленно разойтись! У меня приказ — стрелять!» А толпа продолжала на-

ТОЛЬКО ОД

пирать. Неожиданно жеребчик наскочил на груду брусчатки, метнулся в сторону, назад, вперед. Но везде были люди, и лошадь врезалась в толпу. Позеленевший от страха офицер выхватил револьвер и, не глядя, начал стрелять в какие-то лица, груди, спины...

Толпа ахнула и подалась назад. Замерли и полицейские. А между ними, на изрытой мостовой ничком лежал человек. Вот он шевельнулся, приподнялся, рухнул на спину и замер. И тут все узнали Владислава Козака — молодого веселого парня.

Где-то в глубине толпы зародился глухой ропот! Через минуту на улице не осталось ни одного камня. Люди ринулись на полицию. Раздался крик: «Бей их!» И сотни булыжников полетели в полицейских. Не принимая боя, те отступили.

Весть об убийстве Козака всколыхнула весь город. Немало уважаемых горожан и представителей прогрессивных организаций ходили в городскую управу с просьбой разрешить похороны Козака на Яновском кладбище. Но власти настаивали: только на Лычаковском. Они явно хитрили: от морга мединститута, где лежал труп Козака, до Лычаковского кладбища рукой подать. А на Яновское идти через весь город.

Вечером Марийку встретил пожилой человек, о котором ей было известно только одно: его зовут Пивень, и она должна выполнять его указания.

— Вот что «Черная»,— сказал он.— Завтра будет серьезное дело. Партия решила превратить похороны Козака в политическую демонстрацию. Нужны знамена, транспаранты и траурные повязки. Тебе поручено все это сшить. А надписи сделают другие.

Марийка не на шутку разволновалась — ведь это очень серьезное партийное задание! До сих пор ее работа сводилась к расклеиванию листовок и участию в легальных организациях. А сейчас...

— Хорошо! — согласно кивнула она.— Хозяин болен, так что можно шить в нашей мастерской.

И вот занялось утро 16 апреля. Как только солнце высветило купола церквей и шпили костелов, на Пекарскую улицу потянулись цепочки людей. Хмуро топтались у морга и ждали... Наконец вынесли гроб. Улицу тут же перекрыли полицейские, давая понять, что остался только один путь: на Лычаковское кладбище. Это переполнило и без того ожесточившиеся сердца. «Смерть палачам!» «На Яновское! На Яновское!»

Раздался жиденький залп. Хлопнули пистолеты. Кто-то ткнулся в стену, кто-то упал. Пролитая кровь еще больше разъярила людей. Теперь даже миролюбиво настроенные жители выбегали из домов и присоединялись к демонстрации. Все унижения, вся боль, все издевательства, накопившиеся за долгие годы, выплеснулись наружу — и тут же пропал страх.

В конце Пекарской в толпу врезалась конная полиция с шашками наголо. Булыжник — оружие пролетариата выручил и здесь. Мгновенно разобрали мостовую и забросали полицию. Сверкали шашки. Летели камни. Гремели выстрелы.

Марийка влилась в колонну на Галицийской площади. Десятки тысяч человек вышли на улицы! И с ними молодой коммунист Мария Ких. Она вместе со всеми сметала полицейские кордоны, выворачивала из мостовой камни, перевязывала раненых, пела революционные песни...

Откуда-то с крыш ударили пулеметы. Очередь прошила гроб с телом Козака. Двое парней упали. Гроб качнулся, но его тут же подхватили. Никто не отступил, не бросился в подворотни. Теряя товарищей, люди упрямо шли вперед. Снова затарахтел пулемет, и снова очередь прошила гроб. Доски треснули, и тело едва не вывалилось. Тогда мужчины сняли брючные ремни, крепко обвязали гроб и водрузили его на плечи.

Около оперного театра процессию встретил такой сильный огонь, что пришлось сооружать баррикады. Под прикрытием баррикад демонстранты прорвались на боковую улицу. Отсюда рукой подать до всем известных Бригидок. И тут кто-то крикнул: «Освободим политических заключенных!»

Вооружившись камнями и выломанными из оград железными прутьями, люди двинулись на тюрьму. Когда до ворот оставалось метров сто, со стены ударили пулеметы! Это был тот самый кинжальный огонь, от которого нет спасения. А тут еще из переулка выскочила конная полиция.

Мария Ких

Последнее, что видела Марийка: качнувшийся гроб и ощеренный рот конника. Она бросилась на полицейского, но навстречу полыхнул огонь, и она рухнула наземь.

Рядом оказались друзья. Они поняли, что прятать Марийку бессмысленно: без врача девушка наверняка умрет. Махнув рукой на предосторожности, они отвезли ее в больницу. И тут хирург стал в тупик: входное отверстие пули в щеке, а выходного нет! Кое-как починил разбитую челюсть, но пулю так и не нашел.

...Жар застилал глаза, разрывал голову. А когда возвращалось сознание, Марийка видела, как у соседней кровати полицейский офицер допрашивал ослепшую девушку. Он пытался узнать, кто ее послал на демонстрацию, кто дал транспарант. А девушка в бреду и наяву требовала полицейского, который стрелял в нее. «Я его узнаю! — кричала она.— Я его узнаю и выцарапаю глаза! Зверюга! Хоть бы в ноги стрелял или в живот. Как же теперь слепая жить-то буду? Я же вышивальщица!»

Крутились полицейские и около Марийки, но врач строго-настрого запретил ее тревожить: пуля бродит около сонной артерии и в любой момент может ее задеть. Врач не преувеличивал. Но пуля в конце концов спустилась к ключице, и ее вырезали.

— Храни! — сказал доктор, отдавая Марийке пулю.— Жизнь впереди еще долгая, а радости, как я понимаю, тебя пока не ожидают. Когда станет совсем невмоготу, посмотри на пулю: по сравнению с ней все остальное — пустяки. А будут дети, покажи и им: возьми полицейский на миллиметр ниже, не было бы тебя на этом свете... Да, только в нашем морге десятки убитых, а в палатах — сотни раненых!

Во время утреннего обхода врач вдруг решительно заявил, что Мария Ких вполне здорова и только зря занимает место.

Марийка едва держалась на ногах. Но врач был неумолим: «Немедленно забирайте вещи и отправляйтесь на все четыре стороны...»

А через час после ухода Марийки из больницы в палату нагрянула полиция. Офицер размахивал газетой и требовал выдать коммунистку Марию Ких.

Так и не узнала Мария имени врача, дважды спасшего ей жизнь.

Всего три ночи проспала Марийка спокойно. А потом поднялась температура. Старик, у которого ее прятали, сходил в больницу, но уже в другую, и сказал, что у его племянницы Анны Лотоцкой сильный жар и надо бы хороших таблеток. Племянницу велели привезти. А когда ее увидели, тут же установили диагноз: брюшной тиф.

...Однажды врач остановил в коридоре сестру, которая навещала Марийку, и сказал, что «Анна» безнадежна, не протянет и трех дней. Девушка всхлипнула и побежала на вокзал... Утром к окну палаты подошел невысокий, худощавый мужчина в крестьянском платье, постучал в стекло и спросил:

— Где тут моя дочь Мар... Анна Лотоцкая?

Ему кивнули на чье-то высохшее лицо, обезображенное шрамом.

— Дочка! — тихо позвал он.— Доню! Это я, твой батько. Если слышишь, открой глаза.

Дрогнули веки, и Марийка открыла глаза. Она сразу узнала отца и попыталась улыбнуться. Но у нее только болезненно скривилось лицо.

Пока в палате топтались монашки, отец рассказывал о домашних новостях, а когда они вышли, шепнул:

— Я горжусь тобой, Марийка! Я ничего не знаю и могу только догадываться, чем ты занимаешься... На святое дело пошла. Не сворачивай! Выйдешь из больницы, приезжай домой. Там и встретимся...

Но встретились они не скоро. Как только кризис миновал, товарищи по партии забрали Марийку из больницы и прятали ее на разных квартирах. Благо нежданно-негаданно появились деньги и не надо было думать о работе. Оказывается, в той газете, с которой полиция пришла в больницу, были напечатаны некоторые фамилии жертв кровавого побоища 16 апреля. Благотворительные организации многих стран прислали раненым деньги на лечение. Одна французская организация, связанная с компартией, прислала несколько сот франков Марии Ких. В полиции вполне логично рассудили, что коммунисты в первую очередь будут помогать коммунистам, потому и примчались в больницу... К счастью, на почте были свои люди и деньги удалось получить...

Окончание следует.

НА ЖИЗНЬ

«ТАЙФУН» ВЫЗЫВАЮТ НА СТАРТ

Л. ШЕРСТЕННИКОВ

Фото автора.

Первым был «Скат». Ребята легко выкатили на залитый солнцем двор круглый, блинообразный аппарат с утолщением — кабиной наверху. Комаров уже успел раздобыть резиновые муфты и заменить поврежденные; Валей Набиуллин залез в кабину, пустил мотор, и тот, затарахтев веселым мотоциклетным треском, стал набирать обороты.

— Поднимается!..

Что ж, так и должно быть соответственно расчетам. Однако, когда Валей вывел обороты на полные, «Скат» вместо того, чтобы ровно зависнуть над площадкой, накренился на один бок. Но это не обескуражило ребят: главное было ясно — расчеты в основе верны. И хотя до того момента, когда аппарат на воздушной подушке забегает по дорожкам ВДНХ, вызывая восторги посетителей, пройдет еще немало месяцев, затраченных на кропотливые доделки, тот июльский день 1968 года можно считать днем первой победы СКБ — студенческого конструкторского бюро Уфимского авиационного института.

...Мне сказали: «Ищи Володю Ахметшина».

Но поиски ощутимых результатов не дали. Оказалось, что он только что уехал, вероятно, в одно из отделений института, находящееся в Старой Уфе. Там выяснилось, что Володя умчался «добывать цемент». Но адреса уже никто не мог назвать, и поиски пришлось перенести на следующий день. Наконец, повезло — сказали:

— Ахметшин здесь, в ангаре.

Высокий симпатичный парень в прожженном ватнике спрыгнул с шаткой лесенки и протянул руку.

— Значит, скоро самолетный гараж будет готов? — спросил я, завязывая разговор. — Вы же ангар строите.

— Поначалу и мы так полагали, а теперь...

Оказалось, что теперь планы ушли вперед, и ангар должен превратиться в солидную аэродинамическую лабораторию. Это как минимум. Володя даже усмехнулся.— Надо, чтобы было все необходимое, чтоб сверлить, точить и сваривать металл, переводить сложные расчеты и тонкие линии чертежей в зримые детали, узлы, реальные конструкции. А пока...

— Пока вот удалось металл для дверей раздобыть.

...Студентам факультета АД — авиационных двигателей пришла идея не только рассчитать и вычертить, но и сделать настоящую машину, способную подняться в воздух. Гузаиров, Ахметшин, Прошин, Петров — все с этого факультета. Каждый из них проектировал летательные аппараты самостоятельно. Каких только эскизных разработок не возникало: одноместный реактивный вертолет, реактивный вертолет двухместный, самолет с вертикальным взлетом. На четвертом курсе четверка объединилась. Машина, решили они, должна быть легкой — не более шестисот килограммов,— иметь короткий пробег при взлете и при посадке. Задание предусматривало, чтобы наблюдатель (допустим, при патрулировании на лесных пожарах) находился впереди пилота; чтобы самолет мог лететь быстро при перелете с одного объекта на другой и медленно, но устойчиво, при работе над объектом (например, когда карту нужно привязать к местности).

— Тут следует сказать об одном парадоксе, существующем в авиации,— рассказывает Володя. — То, что красиво, то и правильно. Ведь красота — прежде всего гармония. Когда все, как говорят специалисты, оптимизировалось, форма носа самолета напомнила очень знакомые очертания, Ренат закричал: «Ребята, это же дельфин!» С его легкой руки мы так и назвали самолет — «Дельфин». И уменьшенная его модель недавно путешествовала с выставкой «Советская молодежь» за океан — в Канаду и Соединенные Штаты Америки.

По соседству с возводимым ангаром в небольшом каменном строении кипела исследовательская работа. Под струями воздуха трепетала раздувшаяся ребристая перепонка причудливой формы. Студенты сосредоточенно колдовали вокруг огромных манометров и малопонятных несведущему приборов. Дела, видимо, шли нормально, так как Сергей Сергеевич Комаров, ставший научным руководителем СКБ-1, не проявлял нервозности, нетерпения, хотя работа была срочная, тесно увязанная с производственными сроками.

Рассказывая о «Скате», я опустил небольшую, но важную для существования студенческих конструкторских бюро деталь. Как и «взрослое» КБ, студенческое бюро не может существовать без заказчика. Любая работа требует определенного оборудования, оснащения, иначе говоря, средств, предоставить которые может только тот, кто в этой работе заинтересован.

Идеей «Ската» — аппарата, способного пройти там, где зимней порой заметены все дороги, а летом царствует трясина, заинтересовались тюменцы. Но что толку от машины, способной перевозить одного человека, если в придачу к нему нельзя погрузить даже мешка картошки? Вот если б машина смогла, скажем, перенести буровую вышку на новое место,— такой машине цены бы не было...

И студенческое бюро засело за разработку эскизного проекта машины грузоподъемностью в 40 тонн. Создание опытного образца требовало таких денег, на которые тюменцы не рассчитывали. Срок действия старого договора истекал, нового не было. Это грозило полным свертыванием работ. Но нашелся новый заказчик и всего в нескольких кварталах от института: Урало-Сибирское управление магистральных трубопроводов сочло аванпроекты вездехода заманчивыми и попросило рассчитать более скромную машину, способную поднять две тонны груза или семнадцать пассажиров.

Двух лет еще не прошло, а сегодня на специальном стапеле уже стоит новенький, вполне пригодный к проведению испытаний аппарат, необходимость которого подтверждают и в Министерстве геологии СССР и в Министерстве связи СССР.

Пройдут считанные недели, а может, и дни, и «Тайфун» поднимется над землей.

...В длинных, растянувшихся чуть не на полквартала коридорах института обычная суета. С лекции на лекцию, из аудитории в аудиторию спешат группы студентов. Это им творить и создавать технику завтрашнего дня.

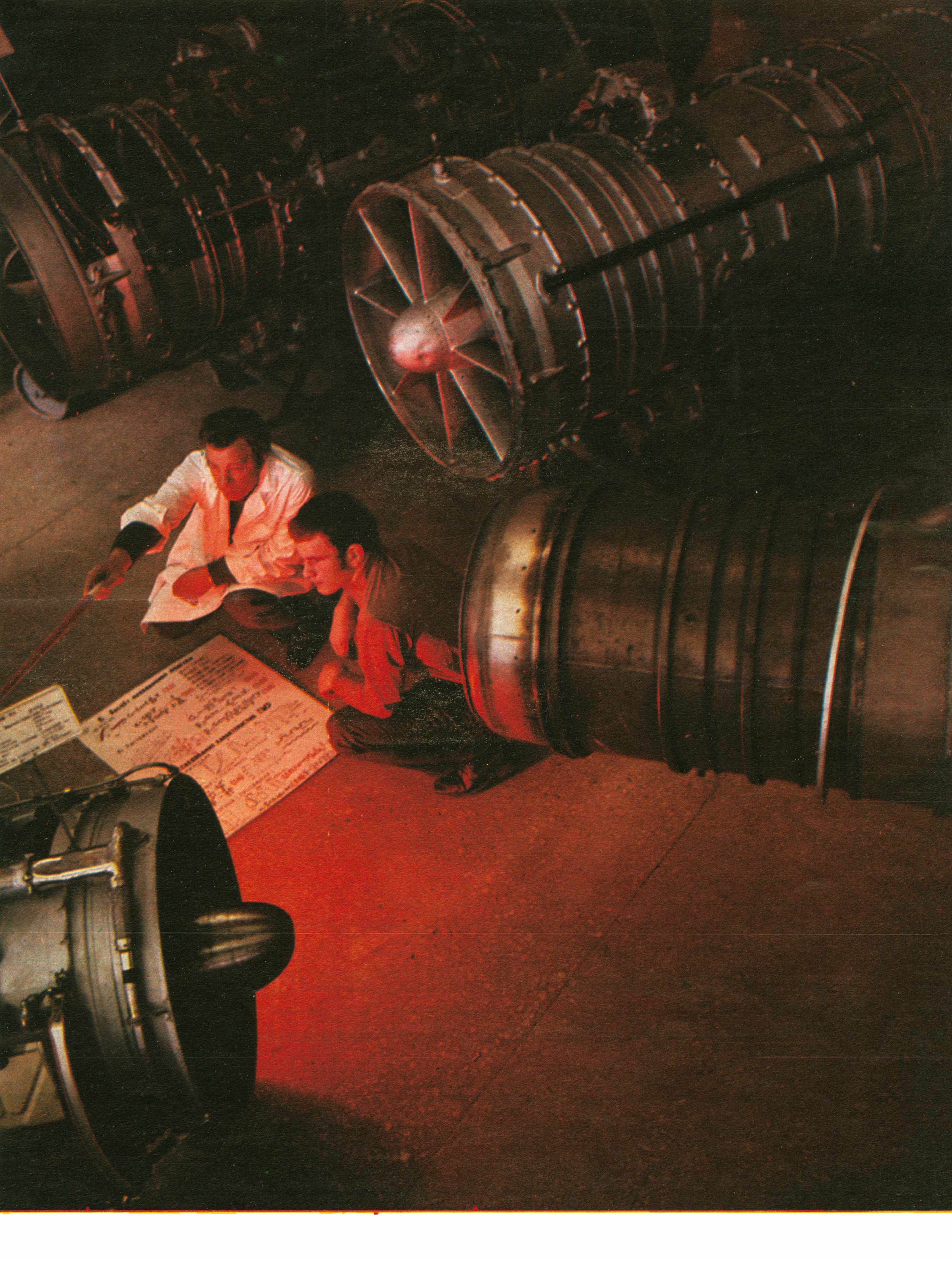
— Сейчас цикл почти полного обновления научно-технических знаний не превышает десяти—двенадцати лет,— говорит ректор института Рыфат Рахматуллич Мавлютов.— В передовых же отраслях промышленности — авиации, космонавтике, электронике — и того быстрее, каждые три— пять лет. Это требует подготовки специалиста творческого, способного к профессиональному самообучению, имеющему вкус и навыки к научному поиску. Этой задаче и отвечают СКБ. Но студенческие конструкторские бюро — лишь одна из форм большой учебно-исследовательской работы нашего института.

...В ранних сумерках зимнего дня вспыхивают огромные окна аудиторий. Семь тысяч студентов ежедневно входят в институтские двери. И всегда встречает их у подъезда вознесенный на постамент стремительный самолет МИГ-19, машина, на которой летали космонавты Владимир Комаров и Георгий Береговой. С нее и начинался их путь к звездам.

Каждый день студентов встречает этот самолет.

Вот он, «Тайфун». А его собрат, опытно-промышленный образец аппарата, уже готов к испытаниям.

На развороте вкладки: Впереди у студента первого курса Анатолия Комягина годы напряженной учебы. В лаборатории конструкции авиационных двигателей (снимок слева), где Анатолий работает лаборантом, изучаются «сердца» многих современных самолетов.

УФИМСКИЙ

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ОГОНЬКА»

АЛГЕБРОЙ ГАРМОНИЮ

Это было десять лет назад. По заснеженной Пироговке, так хорошо известной всем врачам страны, шли и оживленно спорили несколько молодых людей. Они говорили о том, что жизнь властно требует революции в медицине. Такой революцией должно стать вторжение в искусство врачевания точных наук: физики, математики. Без знания их немыслим врач нашего времени, исследователь, умеющий обращаться с новейшими медицинскими приборами. Сама жизнь уже заставила биологов и врачей выйти на свидание к физикам и математикам. Но, чтобы они смогли общаться, «поверить алгеброй гармонию», нужен общий язык.

Такой язык должно выработать первое в мире медицинское учебное заведение нового типа. Вот об этом-то будущем учебном заведении, о его программе спорили молодые преподаватели 2-го медицинского института. Об их надеждах, спорах, мечтах и рассказал «Огонек» 10 лет назад (см. «Огонек» № 1 за 1964 г.).

«Огонек» обращался к этой теме и в дни, когда проходил первый выпуск нового медико-биологического факультета (см. «Огонек» № 2 за 1969 г.). Какие же изменения произошли в обучении студентов? Какими качествами должен обладать десятиклассник, мечтающий здесь учиться? Как будет развиваться факультет? Каким будет врач недалекого будущего?

Первое слово — декану медико-биологического факультета профессору Павлу Васильевичу Сергееву. Это он десять лет назад был среди молодых преподавателей, задумавших новый факультет.

ДОРОГА ДЛИНОЮ В ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Профессор П. В. Сергеев

— Мы начинали почти с нуля. Учебной программы не было. Опыта не было. Примеров, на которых мы могли бы учиться, тоже не было.

Нам предстояло создать принципиально новые курсы, и мы, профессора, сели за парты, пошли на выучку к физикам, математикам, специалистам по электронной вычислительной технике.

Наиболее трудным, пожалуй, было преподавание классических клинических дисциплин по-новому. Например, курс клинической экспериментальной хирургии. Сейчас этот курс уже превратился в самостоятельную кафедру, и руководит ею академик АМН СССР Ю. М. Лопухин. Задачей преподавания являлось не просто привить навыки экспериментальной хирургии, но и дать эти навыки в плане научного исследования.

Или, скажем, курс неврологии, который методом «проб и ошибок» разрабатывала наш профессор Л. Г. Ерохина.

Нервные болезни — это огромное количество симптомов. Значит, неврологию надо показывать студентам как науку о регуляции важнейших функций организма, как науку о самых общих связях. А это имеет колоссальное значение для восприятия студентами и других клинических предметов.

Сейчас уже созданы и утверждены принципиально новые курсы. Студентам с первого дня занятий прививается вкус к научным исследованиям.

Но это еще не все. Важно было, чтобы биохимики и биофизики нашего факультета не только могли вести исследования на молекулярном уровне, не только понимали суть явлений, протекающих в живой клетке, но и умели соотносить их с процессами в человеческом организме в целом.

Сейчас задача выполнена. Если еще несколько лет назад темы дипломных работ касались чисто биологических проблем, то теперь исследования максимально приближены к человеку, носят медико-биологический характер. Назову только две темы студенческих работ: «Дифференциальная диагностика туберкулеза с применением математических методов» или «Изучение ферментов при экспериментальном инфаркте миокарда». А вот тема выпускника факультета: «Разрушающее действие алкоголя на биохимические процессы в живой клетке».

Уже преодолен психологический рубеж внедрения электронных вычислительных машин в медицину. Создан и успешно работает институтский вычислительный центр.

Вас интересует, какими качествами должен обладать десятиклассник, мечтающий стать нашим студентом?

Прежде всего надо, чтобы он любил биологию и знал математику, ибо с этими двумя науками ему придется иметь дело всю жизнь.

Во-вторых, он должен быть неисправимым мечтателем, уметь фантазировать. Ведь создали наш факультет фантазеры и мечтатели в лучшем смысле этих слов. Тот, кто не уверен, что может сделать невозможное, не должен заниматься наукой, тот, кто не мечтает победить самую страшную болезнь, не должен заниматься медициной.

И, наконец, надо любить человека, жизнь которого врач держит в своих руках. Любить сильнее самого себя, сильнее своей научной работы. Ибо тот, кто идет на наш факультет, будет заниматься не только научным поиском, тончайшими исследованиями, но должен постоянно вести борьбу с человеческими недугами.

НАЧАЛО ЕСТЬ, НЕТ КОНЦА

Ректор 2-го медицинского института, действительный член Академии медицинских наук Ю. М. Лопухин

— Вы спрашиваете, что дало создание медико-биологического факультета?

Начну с того, что за последнее десятилетие в высшем медицинском образовании появилось много нового: дисциплины, методы преподавания, перестройка обучения студентов и так далее. И в этой связи мне кажется интересным создание нашего медико-биологического факультета.

Почему? Дело в том, что за последнее время в медицине произошли большие изменения. Если раньше врачу приходилось иметь дело в основном с инфекционными и детскими болезнями, то теперь на первое место вышли сердечно-сосудистые, вирусные и онкологические заболевания. Борьба с ними требует более высокого уровня научных исследований, развития фундаментальных областей медицинской науки.

Во-вторых, в практическое здравоохранение пришла сложная техника. Появились электронно-вычислительные приборы, действующие быстро и объективно, автоматические методы анализа.

Кто будет работать с этой сложнейшей медицинской техникой? Обыкновенный врач? Сомнительно. Сейчас выпускник медицинского вуза слабо владеет математическим аппаратом и уж совсем не умеет пользоваться сложными электронными приборами. Значит, надо создать специалиста, которому были бы по плечу задачи современной медицины. Такие кадры впервые начал готовить медико-биологический факультет.

Опыт оказался удачным. Возрос уровень клинических исследований, появилась новая медицинская аппаратура. Наши выпускники с успехом работают в клинике. Уже существуют методы диагностики, разработать которые мог только врач-исследователь, овладевший современной техникой.

Родилось еще одно экспериментальное отделение — медицинской кибернетики. Руководит им профессор С. А. Гаспарян. Долгое время он работал как хирург, но сейчас ушел в совсем новую область — медицинскую кибернетику, которая рождается на наших глазах. Словом, я скажу вам то же, что и несколько лет назад: «У всякого хорошего дела есть начало, конца нет».

ВРАЧ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Министр здравоохранения РСФСР В. В. Трофимов

— При создании факультета мы учитывали и то, что сейчас в большинстве медицинских вузов создаются центральные научно-исследовательские лаборатории — целые научно-исследовательские институты. Работать в них должны ученые, которым уже со студенческой скамьи было привито научное творческое мышление, а не только дана сумма определенных знаний. Огромная ЦНИЛ скоро вступит в строй и при 2-м медицинском институте. Основные научные кадры для таких лабораторий готовит новый факультет. Доброй славой пользуются его выпускники и в академических институтах. Многие студенты, недавно получившие дипломы, уже имеют научные работы, защитили диссертации.

Практическое здравоохранение Российской Федерации тоже настойчиво требует врачей, овладевших современными методами анализа, сложной электронной техникой. Для этого прежде всего необходимо поднять общий уровень медицинской подготовки в вузах. Выпускников медико-биологического факультета можно использовать и на преподавательской работе. А ведь на факультете учатся студенты не только Российской Федерации, но и со всех концов нашей страны, а также из других социалистических стран.

Каким же должен быть врач недалекого будущего?

Рождаются новые специальности. Врач-биохимик уже есть. В будущем появятся врач-конструктор, специалист по медицинской кибернетике, генетической инженерии. Сегодня это кажется почти фантастикой. Новые специалисты, хотя сами непосредственно лечить больных не будут, должны свободно разбираться в секретах врачевания.

Что касается лечащих врачей, то специальности их, думается, останутся прежними, однако подготовка станет более основательной. Каждому лечащему врачу будут необходимы знания как фундаментальных медицинских наук, так и физики, математики, электроники. Это необходимо не только для того, чтобы говорить на одном языке со специалистами, конструирующими новую медицинскую технику, с врачом-инженером и кибернетиком, но и прежде всего для того, чтобы более глубоко подойти к объекту своей работы — человеку, вылечить больного. Это подсказывает нам развитие современной медицинской науки, подсказывает жизнь.

Беседу вела Ванда БЕЛЕЦКАЯ.

◀ Уфимский авиационный...

Советские специалисты в Фос-сюр-Мэр.
Фото автора.

Борис ГУРНОВ

ПРОЧНЫЙ ФУНДАМЕНТ

Совсем недавно здесь, на берегу моря, под Марселем, у городка Фос-сюр-Мэр, гуляли лишь соленые ветры по тростникам. Захлестывали низкий берег приливы, ненадолго сушили его отливы. Ничто, казалось, не могло изменить размеренного однообразия жизни этого пустынного и, как считалось, гиблого края. Сегодня здесь крупнейшая индустриальная стройка Западной Европы. На прибрежных и отвоеванных у моря землях в Фос-сюр-Мэр рождается промышленный комплекс, основа которого — мощный металлургический комбинат. Сердце строящегося комбината — домна — в руках советских монтажников. Вернее, домны еще нет, она строится. Французские фирмы соорудили лишь ее корпус. Наши парни монтируют установку испарительного охлаждения.

Любят во Франции русских и русское традиционно. Из поколения в поколение передается чувство симпатии и дружелюбия к народу большому, доброму, сильному, великодушному. Французы с восхищением говорят о русской тройке, о наших просторах, о широкой душе русского человека. Впрочем, за последние десятилетия все чаще слышался разговор об индустриализации, о мощных электростанциях, спутниках, космических кораблях. Но все это где-то там, в Москве, а то и за Уралом, в далекой и для многих на Западе еще загадочной Сибири. И вдруг советские люди, сибиряки и уральцы, приезжают во Францию, чтобы строить важнейший узел домны.

Не верилось французам. Да и сейчас некоторым не верится. Есть, правда, и такие, которые не хотят верить. А наши строят. Стрелами мощных кранов одна за другой подаются в чрево домны чугунные плиты с находящимися в них стальными трубами, по которым будет циркулировать вода системы испарительного охлаждения.

Эта система — изобретение наших ученых. Впервые она успешно применена на крупнейших домнах в Советском Союзе. Теперь ею заинтересовались многие зарубежные фирмы. В частности, французы купили нашу установку для двух первых домен комбината в Фос-сюр-Мэр и купили с условием, чтобы наши же специалисты и смонтировали установку на месте.

Вот так и оказались в Фосе инженеры, техники, рабочие из челябинского треста «Востокметаллургмонтаж». Молодые, но бывалые люди. Нет, пожалуй, ни одной стройки на Урале, где бы не работал кто-нибудь из них. А за границей бывал лишь один — их руководитель, главный инженер Борис Авенирович Георгиевский. Он строил металлургический завод в Финляндии.

Мы идем с ним к «нашей» домне по отвоеванной у моря, намытой земснарядами, навезенной грузовиками, спрессованной бульдозерами земле.

— Вон там, видите,— останавливается вдруг главный инженер,— маленькое болотце? Это морская вода. Здесь, в Фосе, огромные площади отвоеваны у моря. Но кое-где все же, глядишь, и просочится горькая морская вода. Вот так и на твердой почве нашего с французами сотрудничества нет-нет да и почувствуешь, что пробивается горчинка сомнения местных специалистов: сумеем ли мы выполнить сложный заказ? Достаточно ли солидный мы контрагент для прочного научно-технического сотрудничества в будущем? Помнится, в первые дни,— улыбается Георгиевский, — стенографировали все наши беседы на встречах с французскими специалистами, наверное, чтобы мы не отказались потом. Теперь стало проще. Поняли, что наши специалисты знают свое дело.

...По дороге нас догнал темно-зеленый «ЗИЛ».

— Садитесь, подвезу!— За рулем нижнетагилец Михаил Петров. Он и монтажник и крановщик, а потребуется подвезти оборудование к домне,— шофер. Нужно видеть это оборудование, чтобы представить себе, что это такое. Это и десятки тонн литого чугуна, и громоздкие конструкции, и сложнейшие лабораторные приборы для проверки деталей и качества монтажно-сварочных работ.

Главный хозяин сейчас на домне — мастер Виктор Федорович Мигунов. Восемнадцатилетним подростком приехал он в Нижний Тагил из села Октябрьского, Ульяновской области. Начал учеником, по вечерам после работы учился в техникуме — и вот прораб, мастер. Мастер не только по званию, по существу.

Наши монтажники работают в две смены. В одной бригадиром Тимофей Шалагинов, в другой — Владимир Овчинников. Один с бригадой на печи утром, другой — вечером. А Мигунов на монтаже и утром и вечером.

— Непривычно вам здесь?— спрашивал я у наших рабочих.— Все-таки заграница, Франция...

— Какая, — говорят, — разница. Работа всюду работа. Оборудование ведь все наше, знакомое.

Непривычным кажется здесь нашим специалистам другое — жизненный климат. Считается неприличным, даже запрещается заглянуть к соседям и посмотреть, как работают мастера других фирм на смежных объектах — промышленная тайна.

— Хотя, впрочем,— вмешивается в разговор заместитель Георгиевского Виктор Подобедов,— по части порядка, строгости учета и ответственности нам тут можно кое-чему поучиться. Нарушишь сроки готовности — плати неустойку...

— Но у ваших,— говорил мне представитель французской фирмы-заказчика инженер Россе,— до неустоек не доходило и не дойдет. Все сроки выдерживаются с завидной пунктуальностью.

На стройке под Марселем идет серьезное соревнование. Прокатный стан строят американцы, на других объектах работают англичане, специалисты из Федеративной Республики Германии. Вежливые взаимные улыбки, рукопожатия, дружеские беседы коллег. Но табачок вместе, а работа врозь. В деле — кто кого.

Самоотверженно работают наши мастера. Я видел, как на внешней обшивке домны ловко орудовал инструментом монтажник из Новокузнецка Юрий Шварцев. Ни он, ни его родители — колхозники из села Сушигорицы, Калининской области,— раньше и не думали, что когда-нибудь на его работу будут с восхищением смотреть французы.

...Участие советских строительных организаций и наших специалистов в сооружении металлургического комплекса в Фос-сюр-Мэр — яркий пример плодотворности советско-французского экономического сотрудничества.

«Участие советской промышленности в сооружении индустриального комплекса в Фосе еще больше сблизит обе наши страны и оба наших города,— говорил на встрече с делегацией Одессы мэр ее побратима Марселя Частон Дефёр.— Оно активизирует деятельность морских линий, связывающих Одессу с крупнейшим портом Франции... Марсель, которому завтра будет придана промышленная зона Фоса, сможет импортировать из СССР руду, нефть, природный газ...»

А сегодня в Фос-сюр-Мэр под Марселем пока еще идет большая стройка, на которой инженеры и рабочие из Сибири высоко держат марку нашей промышленности, нашего строя, нашего человека. Строят крепкий фундамент советско-французской дружбы.

Фос-сюр-Мэр.

ИЗ «ОСЕТИНСКОЙ ЛИРЫ»

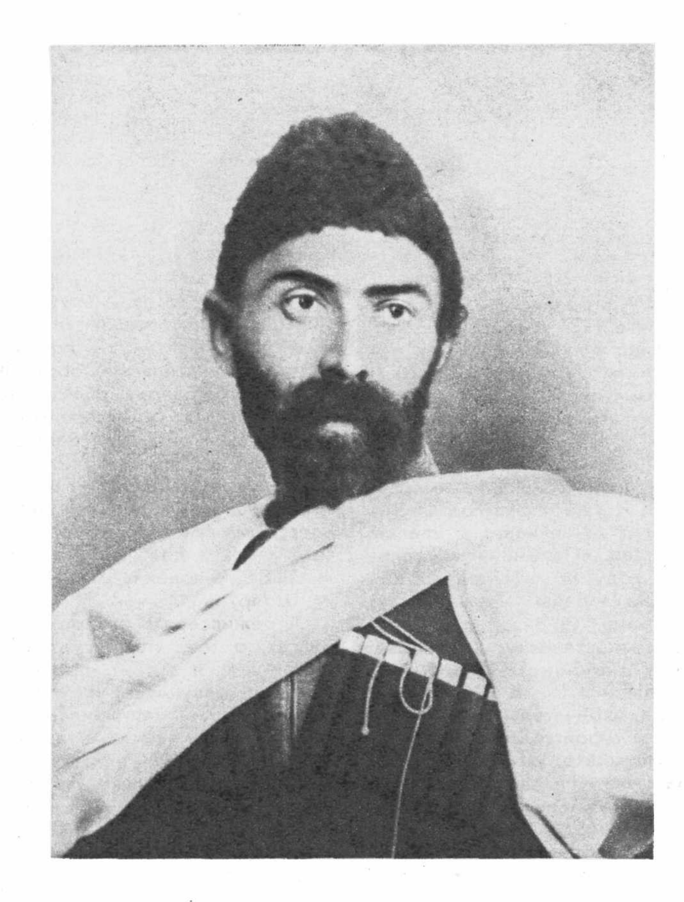

Поэзия Коста Хетагурова — основоположника осетинской литературы — получила широкую известность уже при жизни автора. На мировоззрение поэта оказали плодотворное влияние взгляды русских революционных демократов.

В 1895 году на русском языке выходит книга стихов Коста Хетагурова, а в 1899 году читатели познакомились с его новой книгой «Ирон фандыр» («Осетинская лира»).

Многие советские и зарубежные поэты и переводчики сделали «Осетинскую лиру» Коста Хетагурова достоянием миллионов читателей как в нашей стране, так и за ее пределами. И поныне переводчики обращаются к стихам Коста Хетагурова.

Сегодня мы знакомим читателей «Огонька» со стихами поэта в переводах Бориса Авсарагова.

ВЕСНА

Подточен снег, и шаток лед,
Земля вокруг пестра.
Из-под обвала вспыхнет вдруг
Зеленая листва.

Пробился сизый стебелек.
Мерцает ранний свет.
Уже запаханы поля.
В горах дороги нет.

Резвится мальчик... На лету
Он бабочку настиг.
Скажи ему: «Не тронь весны!
Оставь ее в живых!»

КУБАДЫ

Зимой и летом
В шубенке ветхой —
Глаза не рады.
Сидит сурово,
Не скажет слова
Скрипач Кубады.

Дитя без роду.
Чужим в угоду
Плясал, бывало.
Чурека крохи —
Подачки. Вздохи.
Забот хватало.

Босой, немытый,
Голодный, битый.
Жевал объедки.
Месил дороги,
Распухли ноги
От грязи едкой.

Сиротский холод.
Очаг расколот.
Один на свете...
Не видел ласки,
Не слышал сказки.
Алдара встретил...

Алдар жестоко
Послал без срока
Кубады в горы.
Пасет Кубады
Чужое стадо —
Проходят годы...

Пастух усталый
Поет, бывало,
В глухой пещере.
В хлеву ночует,
Где в крышу дует
И снег сквозь щели.

Найдет хоть горстку
В чувяке горском
Травы — для стада...
А сделал скрипку —
Опять с улыбкой
Поет Кубады.

Белеют горы...
Услышит скоро
Вершин безмолвье:
В ответ с доверьем
Поют деревья,
Луга — с любовью.

Орла паренье,
И ветра рвенье,
Гром водопада,
И посвист пули,
И плач козули —
Мотив Кубады.
Пастух мечтает:

Вот снег растает
В ущельях вольных.
Дожди уймутся,
Стада проснутся
В лугах зеленых.

Но смотрит счастье
Из волчьей пасти
Не зря, наверно.
Не без причины
На лбу морщины
И шаг неверный.

Считал однажды
Скрипач Кубады
Овечек белых.
Как ни считает —
Все не хватает...
Ну что тут делать?

Искать напрасно.
Просить опасно.
Да и кого же?
Сказать алдару —
Считать удары
Плетей по коже!

— Бежать бы надо,—
Решил Кубады.—
И стадо брошу!
Прижавшись к скалам
За перевалом,
Метнулся в рощу...
В дигорских селах
Играл веселый
Скрипач бродячий.
Он пел в Калаке,
От счастья плакал,
А не иначе!

Легендам новым,
Сказаньям добрым
Конца не видно.
Кому взгрустнется,
А тот смеется,
Но безобидно...

Вот так, скитаясь,
Совсем состарясь,
Пришел Кубады,
Судьбой гонимый,
В аул родимый:
Глаза — не рады...

Зимой и летом
В шубенке ветхой
Всё на нихасе [1]
Сидит Кубады.
Певца Кубады
Не знаешь разве?

ОСЕНЬ

Гречиха птичья пожелтела.
Туман в горах тяжел и мглист.
И можжевельник, осыпаясь,
Кладет узоры — лист на лист.

Поля опрятны и покойны —
Свезли и сено и хлеба.
Ликует горец на равнине:
С утра вершится молотьба.

Счастливым бременем осенним
Крестьянин сыт. И рад судьбе.
Отчизны горской изобилье
На удивление тебе!..

ЕСЛИ БЫ...

Что ни пригрезится ночью —
Тянется снов череда...
Явится счастье воочью
И бедняку иногда!

«Если б когда-нибудь, право,—
Шепчет он, жизнью томим,—
Я удостоился славы
Благословеньем людским!»

Если бы в сердце впиталась
Участь скорбящих во мгле,
Если б любовь мне казалась
Высшим из благ на земле!..

ЛЕТО

На грядке лето вызрело.
У просеки лесной
Горит малина красная,
Желтеет в поле зной.

В ущельях травы спелые,
И кервель, и орех.
Не унести за пазухой,
Не разделить на всех!

А завтра жатва жаркая,
Готовь косу, маки́...[2]
Как свеж зеленый утренник!
Бог в помощь, земляки!

---

[1] Нихас — место аульного совета, где собирались старейшины.
[2] Маки́ — подстилка из прутьев для перевозки сена.

ГЛАВНАЯ СТУДИЯ СТРАНЫ

Ник. СИЗОВ,
генеральный директор
«Мосфильма»

В 1927 году на Воробьевых горах, близ слободы Потылиха, начала строиться киностудия «Мосфильм». Известно, однако, что дружная семья далеко не всегда начинается с дома под крышей, с окнами и дверями. Чаще всего настоящая семья, коллектив как раз и рождаются в процессе строительства. Здесь единомышленникам хорошо дышится, далеко видится будущее, вернее, закрепляется настоящее, которое и прокладывает дорогу будущему.

Так друзья-единомышленники еще на заре кинематографии пустились в поиск. Они смело отбрасывали все наносное, чем сразу же стало обрастать молодое искусство кино на Западе; там оно было уже при рождении сдобрено пошлостью дешевой сенсации, мишурным блеском всевозможных поделок — тут было все, возле чего торопится бизнес погреть руки и застолбить себе теплое местечко... Придя в нашу страну, это «направление» кинематографа потерпело полное фиаско. К новому искусству в революционной России и отнеслись по-революционному! И уже к началу 20-х годов вокруг кинематографа стали собираться серьезные, думающие люди, имена которых вошли в историю советского кино. Перечислить их здесь просто невозможно.

Значение кинематографа как великолепного проводника знаний, как пропагандиста и агитатора среди огромных народных масс, проводника идей политических, и воспитательных прежде всего, увидели коммунисты. Еще в 1914 году большевистская «Правда» писала, что кинематограф может занять видное место в жизни рабочего класса, отражая все явления общественной жизни в ярких, живых иллюстрациях, демонстрируя выступления рабочего класса всех стран.

Именно такие задачи и поставили перед собой создатели московской киностудии, собрав в единый творческий коллектив разрозненно существовавшие 1-ю и 3-ю Госкинофабрики. Первенцем этой студии в январе 1924 года стала картина режиссера Б. Михина «На крыльях ввысь». Отсюда мы и ведем летосчисление «Мосфильма».

Всех тогда окрыляла знаменитая фраза В. И. Ленина «...из всех искусств для нас важнейшим является кино». А в резолюции XIII съезда партии в 1924 году было записано: «Кино должно явиться в руках партии могущественным средством коммунистического просвещения и агитации. Необходимо привлечь к этому делу внимание широких пролетарских масс, партийных и профессиональных организаций». И уже через год С. Эйзенштейн заканчивает фильм «Броненосец «Потемкин». В следующем году Вс. Пудовкин выпускает на экраны горьковскую «Мать», затем С. Эйзенштейн осуществляет постановку «Октября». Снимает знаменитый «Арсенал» А. Довженко... К 1936 году, когда окончательно было завершено строительство киностудии на Потылихе, уже получившей официальное название «Мосфильм», она имела на своем счету более 20 картин. Главные среди них стали золотым фондом советской кинематографии. К этому времени в коллективе студии ведущее положение заняли замечательные советские режиссеры: И. Пырьев («Партийный билет»), М. Ромм («Тринадцать»), Гр. Александров («Веселые ребята»), Г. Рошаль и В. Строева («Петербургская ночь»), Е. Дзиган («Мы из Кронштадта»).

В кино пришли великолепные артисты: Любовь Орлова, Андрей Абрикосов, Борис Андреев, Марина Ладынина, Анатолий Горюнов, Николай Крючков, Антонина Максимова, Лидия Смирнова...

Конец тридцатых годов ознаменовался первыми фильмами, посвященными Владимиру Ильичу: «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» М. Ромма, где Б. Щукиным создан незабываемый образ вождя.

Годы приносили с собой новые завоевания. И ставили новые задачи...

Великая Отечественная война мобилизовала мосфильмовцев: те, кто не снимал «Боевые киносборники» на фронтах, создавали в труднейших условиях военного времени художественные ленты. В это время вышел фильм «Секретарь райкома» И. Пырьева, «Человек № 217» М. Ромма, «Во имя Родины» Вс. Пудовкина и Д. Васильева. С особым патриотизмом прозвучали исторические картины «Иван Грозный» С. Эйзенштейна и «Кутузов» В. Петрова.

Последующие годы отмечены пристальным интересом режиссеров и сценаристов к внутреннему миру советского человека — строителя новой жизни. На экраны выходит замечательный образ Коммуниста Губанова в исполнении Е. Урбанского в одноименном фильме Ю. Райзмана. «Балладой о солдате» Г. Чухрай открыл еще одну, новую страницу в кинематографическом человековедении. Блестящим режиссерским дебютом стала для С. Бондарчука «Судьба человека» по новелле М. Шолохова...

О режиссерах, актерах, сценаристах, о тех, кто рисует, монтирует, шьет и строит, проявляет и печатает, озвучивает и дублирует на киностудии «Мосфильм», можно говорить бесконечно много. Каждый человек здесь по праву занимает свое, только ему принадлежащее место. В тринадцати павильонах студии идет работа шести творческих объединений. Более четверти картин, выходящих на экраны по всей нашей стране, сделаны мосфильмовцами. За полвека это 1 250 полнометражных художественных фильмов.

Сейчас студии принадлежит одно из видных мест в мире по оборудованию и технике производства, по мировому признанию десятков фильмов на международных фестивалях, популярности картин в нашей стране и за рубежом.

Вот уже двадцать лет «Мосфильм» постоянно сотрудничает с дружественными фирмами других стран. С успехом идут на экранах картины совместного производства мосфильмовцев с Болгарией и Польшей, ГДР, Румынией, Чехословакией, кинокомпаниями Франции и Италии, Индии и Японии, Норвегии и Канады, АРЕ и других стран. Совместная работа советских и зарубежных кинематографистов всегда кладет начало большой дружбе, полезному творческому общению между кинодеятелями различных почерков. А если и возникают споры, решаются они опять же творчески, создавая потребность в дальнейших встречах и новой дружеской работе.

Награждение студии орденом Октябрьской Революции, приветствие Л. И. Брежнева обязывают мосфильмовцев к новым свершениям. Можно не сомневаться, что коллектив студии конкретными делами ответит на доверие партии и высокую награду Родины.

1
«Ленин в 1918 году». В роли В. И. Ленина Борис Щукин.

2
Любовь Орлова и Гр. Александров накануне выпуска премьеры «Скворец и Лира».

3
Сергей Бондарчук — Андрей Соколов в «Судьбе человека».

4
«Журавушка» режиссера Н. Москаленко. В заглавной роли Людмила Чурсина.

5
Режиссер Ю. И. Солнцева работает над своим новым фильмом.

6
Кадр из киноэпопеи «Освобождение».

2

1
3
4
5
6

Борис ИЛЕШИН

РУССКИЙ В ПОЛНЕЙШЕМ СМЫСЛЕ СЛОВА...

Аккуратные домики с многочисленными антеннами над разноцветными шиферными и железными крышами выстроились за прудом, у самого поля. Чуть в стороне — одноэтажная сельская школа, окруженная оградой из штакетника. На фасаде — мемориальная доска: «В 1871—1876 годах в деревне Усово пребывал и работал великий русский композитор П. И. Чайковский».

Сельцо совсем небольшое, дома по пальцам можно пересчитать. ...Именно здесь Чайковский написал «Бурю»... На обложке черновых эскизов помечено рукой Петра Ильича: «Начато 7 августа. Кончено 17 августа 1873 года в Усове».

Сюжет «Бури» для симфонического произведения был предложен Петру Ильичу В. В. Стасовым в самом конце 1872 года.

«Вначале *море,* — необитаемый остров, величавая и строгая фигура волшебника *Просперо,* и тотчас тут же сама грация и женственность *Миранда...* пораженная при виде выброшенного бурею на берег юноши — красавца *Фернандо;* оба они друг в друга влюбляются... Вокруг же трех главных этих персонажей группировались бы в средней части увертюры: полузверь *Калибан* и волшебный дух *Ариель* с его хорами эльфов. Конец увертюры должен был бы изображать, как Просперо отказывается от волшебной своей силы и, сбросив с себя власть чар, благословляет молодую чету соединиться узами брака и воротиться в отечество».

Предложение Стасова захватило Петра Ильича. В ответном письме он спрашивает: «Нужна ли в *«Буре» буря?»,* то есть потребно ли изображение разъяренных элементов в увертюре к сочинению, где именно это побочное обстоятельство послужило исходным пунктом всего драматического действия. Не странно ли в симфоническом сочинении, служащем иллюстрацией к Tempest, обойтись без бури? Если буря нужна, то где, в начале или середине? Если же ее не нужно, то не назвать ли увертюру *«Мирандой»?..* Я нуждаюсь в Вашем совете, чтобы, вполне успокоившись насчет плана, приняться за самую музыку».

Стасов, подробно отвечая композитору, сообщает, что буря нужна, и раскрывает характер ее изображения.

Поблагодарив друга за «превосходную, в высшей степени заманчивую и вдохновляющую программу», Петр Ильич пишет В. В. Стасову, что «намерен сдерживать несколько свою обычную нетерпеливость в сочинении и выждать *благоприятных* минут», так как предложенный план требует «музыкальной законченности и изящества фактуры».

К осуществлению замысла Чайковский приступил не сразу: он «вживается» в тему. В середине лета 1873 года композитор путешествует за границей по Саксонии, Швейцарии, Северной Италии, Франции... Остановившись в Париже, он пишет отцу: «Я намерен пробыть здесь около недели и затем стремлюсь в отечество». Праздная жизнь, чужеземная красота мало прельщали Петра Ильича. Его всегда глубоко возмущали те люди, которые «с каким-то сладострастием ругают все русское и могут, не испытывая ни малейшего сожаления, прожить всю жизнь за границей на том основании, что в России удобств и комфорта меньше».

«Люди эти ненавистны мне, — делился он однажды со своей пламенной и верной почитательницей Н. Ф. фон Мекк (урожденной Надеждой Филаретовной Фроловской), — они топчут в грязь то, что для меня несказанно дорого и свято».

Из Парижа Петр Ильич выехал прямо в Усово. Ему не терпелось побыстрее очутиться в милом, уединенном местечке, чтобы целиком отдаться «Буре».

Усово не отличалось комфортом. Запущенный барский дом с балконом и верандой, украшенный цветными стеклами, стоял в стороне от небольшой деревушки, отделенный от нее старым парком и заросшим кувшинками прудом с многочисленными дуплистыми ветлами по берегам. За усадьбой, куда ни посмотришь, простиралась степь с вкрапленными дубовыми, березовыми и сосновыми перелесками... Настоящая глухомань. Это-то и прельщало Петра Ильича. Он не знал «большего удовольствия, как провести несколько времени в деревне в совершенном одиночестве».

Чайковский впервые посетил Усово — имение своего ученика и друга Владимира Степановича Шиловского — в 1871 году. Много гулял. Жители деревни часто видели изящного, с правильными, красивыми чертами лица мужчину; он не отличался моложавостью и в тридцать один год выглядел значительно старше... Хозяин усадьбы сказал крестьянам, чтобы они не мешали гостю разговорами; во время прогулок Петр Ильич обдумывал свои новые музыкальные композиции, и потому, наказывал Шиловский жителям деревни, нельзя его отвлекать.

В часы отдыха Петр Ильич часто отправлялся на «смиренную охоту»: собирать грибы в траве под дубами и березами. «Минута, когда видишь и срываешь хороший коренастый белый гриб, очаровательна», — восторгался Чайковский. Большое удовольствие доставляли ему и полевые цветы. Набирая букеты, Петр Ильич ставил их на письменном столе в своей комнате — для настроения, для вдохновения, умея в каждом лепестке видеть и понимать что-то «недосягаемо прекрасное, покоющее, мирящее, дающее жажду жизни».

Чайковского восхищал мир природы, и он после долгих прогулок, довольный, садился за стол или за рояль. Не было ни дня без работы. «Иногда я напишу две-три строчки, да и те часто зачеркну на другой день, а все же я дисциплинирую свои мысли, приучаю их к порядку. Нет-нет, и придет счастливая мелодия, удачная музыкальная фраза. Иногда пишется легко, само собой, иногда трудновато, но я не унываю, не бросаю работы, и в конце концов труд мой увенчивается успехом». И другая запись: «Вдохновение — это такая гостья, которая не любит посещать ленивых. Она является к тем, которые призывают ее... *Нужно, необходимо побеждать себя,* чтобы не впасть *в дилетантизм».*

Каждый день для Чайковского имел значительность. Прощаться с прожитым днем было грустно при мысли, что от него не останется следа.

Брат композитора М. И. Чайковский вспоминал, что Петр Ильич пребыванием на Тамбовщине остался доволен. С тех пор «в течение нескольких лет Усово затмило все остальные летние резиденции Петра Ильича и стало для него центром постоянного влечения».

В двадцатых числах июля 1872 года Чайковский вновь в Усове; здесь он заканчивает черновые эскизы Второй симфонии.

Летом следующего года Петр Ильич опять приезжает на Тамбовщину. День строго распределен. Как всегда, утром, после прогулки и завтрака, композитор садился писать. Хозяин имения был в отъезде; Петр Ильич жил в доме один и, как сам говорил, «блаженствовал», две недели «находился в каком-то экзальтированно-блаженном состоянии духа»... Работалось легко. «Бурю» Чайковский закончил «без всякого усилия, как будто движимый какой-то сверхъестественной силой». «За границей я не написал ни одной нотки, — сообщал он издателю В. В. Бесселю. — Возвратившись же в Россию, я в деревне произвел на свет симфоническую фантазию *«Бурю»,* по программе Стасова».

Впервые «Буря» была исполнена в Москве 7 декабря 1873 года в третьем симфоническом собрании Русского музыкального общества под управлением Н. Г. Рубинштейна. В ноябре следующего года симфоническую фантазию исполнили в Петербурге. Побывав на репетиции, Стасов писал Петру Ильичу: «Играли в первый раз Вашу «Бурю». Мы сидели с Римским-Корсаковым рядом в пустой зале и вместе таяли от восторга. Что за прелесть ваша «Буря»!!! Что за бесподобная вещь!»

Через три дня после исполнения «Бури» в «С.-Петербургских ведомостях» (19 ноября 1874 г.) появилась статья Ц. Кюи, в которой он назвал «Бурю» «хорошим, горячим, талантливым произведением, инструментованным звучно и красиво». После исполнения «Бури» в Петербурге 23 ноября 1885 года Ц. Кюи снова писал о ней и назвал ее «выдающимся про-

П. И. Чайковский. 1875 г.

изведением русской симфонической музыки по своей талантливости, яркому колориту и поэзии». «Буря» стала любимым произведением деятелей Могучей кучки. В 1885 году Чайковскому за симфоническую фантазию присудили Беляевскую премию.

Весной 1873 года (когда Чайковский обдумывал свою «Бурю») были опубликованы условия конкурса на сочинение оперы по сюжету повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством». Либретто, составленное ранее Я. П. Полонским для композитора А. Н. Серова, не было им использовано. Петр Ильич, несмотря на увлекательность сюжета, на заманчивое предложение, не мог тогда приняться за работу; до середины мая 1874 года эта опера даже в письмах его не упоминается. Лишь в письме к В. В. Бесселю от 18 мая 1874 года композитор просит срочно выслать печатные условия конкурса: «...это мне необходимо, и как можно скорей». 30 мая Чайковский сообщил В. В. Бесселю, что едет в Харьковскую губернию в Низы, к своему другу Н. Д. Кондратьеву. Там он начал работу над оперой.

По утверждению М. И. Чайковского, «в середине июля Петр Ильич переехал в Усово, куда привез почти готовые черновые эскизы всей оперы, так что вскоре по прибытии мог приступить к инструментовке». А в октябре Чайковский сообщал Бесселю, что «опера вполне кончена, но клавираусцуг еще не сделан», что он «просидел не вставая все лето, полагая, что срок конкурса 1 января, оказывается, что нужно ждать решения до будущего ноября»...

Позже Петр Ильич по поводу оперы писал Н. Ф. фон Мекк: «Я писал эту музыку с любовью, с наслаждением, так же как *«Онегина», Четвертую симфонию, Второй квартет»*.

Заседание конкурсного комитета, куда в числе других входили Н. Г. Рубинштейн, Н. А. Римский-Корсаков, Э. Ф. Направник, состоялось в октябре 1875 года. Внимательно рассмотрев представленные работы, комиссия присудила первую премию (1500 рублей) сочинению под девизом «Искусство вечно, жизнь коротка», как единственному, отвечающему высоким требованиям конкурса. Это и была опера Чайковского «Кузнец Вакула». «Не будь вашей оперы,— писал Петру Ильичу Н. А. Римский-Корсаков,— ни одна из них (представленных на конкурс.— **Б. И.**) недостойна была бы даже понюхать премии или постановки на сцене, по мнению моему».

В 1875 году Чайковский приехал в Усово сразу же после консерваторских экзаменов, в самом начале лета. Дом Шиловских утопал в цветущей сирени — белой, фиолетовой, голубоватой; тяжелые гроздья тянулись прямо в комнату Петра Ильича; желтыми огоньками горели кусты акации; благоухали шиповник, жасмин, гвоздика; над цветами гудели пчелы, кружили бабочки. Рядом, в березовом лесу, за несколько минут можно было набрать букет ландышей. Петр Ильич считал ландыш царем цветов и даже посвятил ему свое стихотворение.

— В чем тайна чар твоих? — обращается Петр Ильич к любимому цветку.

«Не знаю. Но меня твое благоуханье,
Как винная струя, и греет, и пьянит,
Как музыка, оно стесняет мне дыханье
И, как огонь любви, питает жар ланит.
И счастлив я, пока цветешь ты, ландыш скромный...»

«В первый раз в жизни мне удалось написать в самом деле недурные стихи, к тому же глубоко прочувствованные,— написал он Модесту Ильичу.— Уверяю тебя, что хотя они мне достались с большим трудом, но я работал над ними с таким же удовольствием, как и над музыкой». На отрывок из стихотворения «Ландыши» А. С. Аренский написал романс для сопрано в сопровождении виолончели и фортепиано.

Природа изумляла Петра Ильича глубиной созидательного процесса, причудливыми сплетениями кажущихся случайностей, беспредельным разнообразием форм. Чувствуя природу внутренне, он слышал ее музыку, проникался ее тишиной. «Ни с чем нельзя сравнить эти минуты уединения среди зелени, цветов, когда прислушиваешься и присматриваешься к той органической жизни, которая проявляет себя хоть и молчаливо и без шума, но громче говорит о беспредельности и бесконечности, чем грохот мостовых и вся суета городской жизни».

19 июня в письме к своим верным спутникам и слугам М. И. и А. И. Софроновым Петр Ильич сообщал, что «уже более трех недель находится... в Усове и проводит время «тихо и приятно». «Я сочиняю теперь новую симфонию,— писал он,— но занимаюсь понемножку, не сижу по целым часам, а больше гуляю».

Одновременно с работой над Третьей симфонией Петр Ильич обдумывал балет «Лебединое озеро». Переехав в августе на Украину, в Вербовку, он сообщал С. И. Танееву: «Симфонию я написал. Она сочинена в Там[бовской] губ[ернии], оркестрована отчасти в Сумах, отчасти здесь... Кроме того, я написал (в проекте) два акта из *балета «Озеро лебедей»*, который мне заказан, как Вы, кажется, знаете, дирекцией театров. Вы видите, что я не ленился».

В конце августа Петр Ильич опять возвращается в полюбившееся ему Усово... В его письме к мужу сестры Л. В. Давыдову читаем: «Целый день хожу за грибами, которых здесь уродилось множество».

Петр Ильич отдыхал; врачи уже давно и категорически запретили ему переутомляться, работать ночами. По вечерам, не зажигая в комнате керосиновой лампы-«молнии» под стеклянным, молочного цвета абажуром, композитор любил сидеть у открытого окна. Прогревшаяся за день земля отдавала тепло, и лишь от пруда тянуло легкой прохладой. С небольшой пасеки на окраине сада, граничащего с гречишным полем, доносился медовый аромат, а сад дышал спелыми яблоками. Над домом, над садом, над просторами полей мерцали звезды; то тут, то там небосвод прочерчивали огненные полосы; порой шел настоящий «звездный дождь», поражающий красотой.

Поздно вечером возвращались с полевых работ жители деревни, и уже издали слышались девичьи песни. Несмотря на усталость, девушки пели звонко, радостно. У Даши, дочери повара Шиловского, был особенно сильный и чистый, полный сердечности голос:

По улице травка,
По широкой травка
Низко стелется,
Расстилается.
Что Иван женою
Своей молодою,
Он ей хвалится,
Выхваляется...

Народные мотивы, родные русские песни для композитора были прекраснее всего; столько в них молодецкой удали или хватающей за душу грусти... Зная неравнодушие Чайковского к народному творчеству, Л. Н. Толстой специально отправил ему сборник песен и писал: «Посылаю Вам, дорогой Петр Ильич, песни. И я их еще пересмотрел. Это удивительное сокровище — в Ваших руках».

Но любовь к народному творчеству испытывали далеко не все. По настоянию великой княгини Елены Павловны дирекция Музыкального общества отстранила М. А. Балакирева за пропаганду русской национальной музыки от дирижирования концертами. Тогда в защиту композитора выступил П. И. Чайковский. В своей статье, опубликованной в мае 1869 года в газете «Современная летопись», он писал: «М. А. Балакирев собрал и издал превосходный сборник русских народных песен...

Он развил и образовал несколько весьма талантливых русских музыкантов, из коих, как самый крупный талант, назовем Н. А. Римского-Корсакова...

Он, наконец, дал возможность иностранцам убедиться в том, что существуют русская музыка и русские композиторы, поставив в одном из музыкальнейших городов Западной Европы, в Праге, бессмертную оперу Глинки «Руслан и Людмила»...

Несмотря на «шиканье» известной части публики, Петр Ильич Чайковский опирался в своих сочинениях на народные песни.

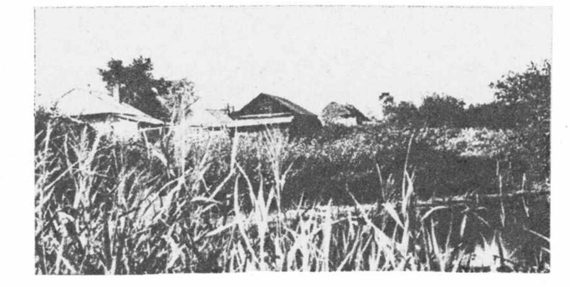
«...Я вырос в глуши,— читаем в одном из его писем к фон Мекк,— с детства, самого раннего, проникся неизъяснимой красотой характеристических черт русской народной музыки, что я до страсти люблю русский элемент во всех его проявлениях, что, одним словом, я русский в полнейшем смысле этого слова».

...Ежегодно в начале лета в Усове, на просторной зеленой лужайке около школы, собирается множество народа. Приезжают сюда жители со всех концов Тамбовщины — на традиционный день Чайковского, чтобы послушать его произведения в исполнении преподавателей и студентов музыкальных учебных заведений Тамбова, коллективов художественной самодеятельности. Звучат «Благословляю вас, леса», «Средь шумного бала», «Сентиментальный вальс», ария Ленского из оперы «Евгений Онегин»... Особенно же дороги усовцам пьесы из цикла «Времена года», навеянные Петру Ильичу здешними местами...

Тамбов — Москва.

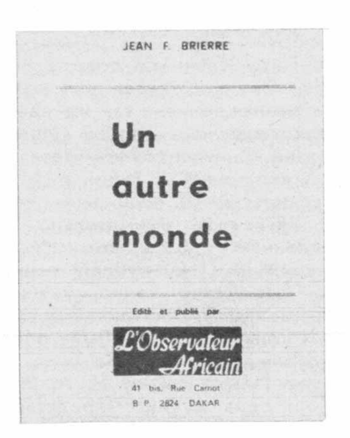
Село Усово. Любимые места...

Фото автора.

Жан Франсуа Бриер

В СТРАНЕ ЛЕНИНА

«Философы лишь различным образом **объясняли** мир, но дело заключается в том, чтобы **изменить** его». Это положение Маркса поставил Жан Франсуа Бриер одним из эпиграфов к своей книге «Другой мир». Книга выпущена в конце 1973 года в Дакаре (Республика Сенегал) издательством «Обсерватэр Африкэн». Автор книги, известный негритянский поэт и публицист Жан Бриер, прошел тернистый путь борьбы за свободу и независимость Гаити, подвергался арестам и гонениям со стороны продажных реакционных режимов на Гаити, в Латинской Америке. В 1964 году он находит убежище в Сенегале, вскоре после обретения этой страной независимости.

Характерные для поэзии и прозы Жана Бриера черты гражданственности, свободолюбия, революционной публицистичности со всей убедительностью и полнотой проявились и в его последнем крупном произведении, «Другой мир». Эта книга — результат поездок Жана Бриера в Советский Союз, в частности на международную Конференцию афро-азиатских писателей в Ташкент. Ташкентская конференция состоялась в 1968 году, но свое повествование автор начинает с периода почти десятилетней давности, когда он получил приглашение Союза советских писателей посетить СССР.

Тогда вместо Москвы и Ташкента автор попал в тюремные застенки в Порт-о-Пренсе на Гаити. Отсюда он и ведет свой репортаж — первую главу, в которой его личные переживания и воспоминания теснейшим образом переплетаются с историческими событиями.

Вместе с автором мы становимся очевидцами освободительной борьбы на Гаити, вместе с ним мы попадаем в Нью-Йорк, в Гарлем, где царят нищета и эксплуатация, где бесчинствует ку-клукс-клан. Следуя за автором, мы встречаемся в Нью-Йорке с Полем Робсоном, знаменитым негритянским певцом и борцом за свободу. «Другой мир», о котором говорит Поль Робсон Жану Бриеру — это Советский Союз, где давно покончено с эксплуатацией человека человеком, с нищетой и национальным гнетом, где подлинно свободный человек творит на благо всех.

Живой свидетель советской действительности, своими глазами увидевший мир социализма, в корне отличающийся от мира капитализма, Жан Бриер воздает должное прежде всего вдохновителю и основателю этого нового мира — Ленину. «Ленин,— пишет Жан Бриер,— дал ответы на самые животрепещущие вопросы, поставленные историческим развитием. Владимир Ильич Ленин был ученым, трибуном, организатором широких народных масс. Деятельность Ленина, его доктрина оказали огромное влияние на русское и международное освободительное движение. Под его руководством свершилась Октябрьская революция и было создано первое государство рабочих и крестьян: Союз Советских Социалистических Республик». Ленину поэт Бриер посвящает поэму. Ленин, заключает он, принадлежит всему страдающему человечеству, являясь соратником всех тех, кто неустанно борется против трущоб и фавелл.

Имя Ленина дорого Жану Бриеру еще и потому, что именно благодаря претворению в жизнь ленинской национальной политики в СССР создано многонациональное социалистическое государство. Более ста наций и народностей Советского Союза живут единой, дружной семьей. Рассказ об Узбекской ССР — яркое свидетельство верности начертанного Лениным пути, плодотворности политики дружбы всех народов. Узбекистан, этот крайне отсталый до Октябрьской революции край, за годы Советской власти превратился в передовую республику, в которой высоко развиты промышленность, сельское хозяйство, культура, наука. На примере Узбекистана Жан Бриер показывает великую силу дружбы, взаимной помощи и выручки всех советских народов. Когда свыше 2 000 000 квадратных метров жилой площади в Ташкенте пострадали от землетрясения 1966 года, город получил от всех братских советских республик огромную помощь — в промышленных материалах, медикаментах, технике и т. д. Каждая советская республика решила отстроить сама и за свой счет выделенные ей участки. И новый город был создан. Так советские люди поступают всегда.

Неоспоримое достоинство новой книги Жана Бриера «Другой мир» — в правдивости, искренности, в неразрывном сочетании живой непосредственности увиденного с глубоким историческим анализом и убедительными обобщениями публициста. Книга представляет несомненный интерес для читателей молодых развивающихся государств, для тех, кто борется за свободу и независимость. Она привлечет внимание читателей силой и образностью языка поэта, который щедро отдает свой талант идеалам свободы, мира и прогресса.

В заключение хотелось бы отметить актуальность книги Жана Бриера — писателя, обладающего чувством нового, способностью мыслить категориями будущего. В январе 1974 года все прогрессивное человечество отметило пятидесятилетие со дня смерти Ленина, отметило под девизом: дело Ленина живет и побеждает. И в эти дни со страниц книги Жана Бриера снова встает образ человека, всю свою жизнь отдавшего борьбе за освобождение и счастье народов. Вместе с поэтом мы подчеркиваем интернациональный, жизненный характер ленинского учения.

А. ВЛАДИМИРСКИЙ

ОСТРОЕ ПЕРО

Николай Андреевич Долгоруков был очень молод, когда судьба свела его с художником Дени — великолепным мастером советской сатиры. Рисунок Дени был строг, точен, отличался ясностью мысли, пылал яростным гневом. Долгоруков был восхищен мастерством учителя. Дени воздавал должное своему ученику, владевшему пером художника-карикатуриста, умевшему не только воспринять уроки старшего мастера, но и творчески развить их. Энергия и работоспособность молодого Долгорукова изумляли Дени. Они стали выступать вместе.

Это не значит, что старший творчески поглотил младшего. Они слили воедино свое искусство. Вероятно, обоим было нелегко, но радовал результат — их совместные выступления сразу обратили на себя внимание. Дружба с Дени определила начало творческого пути Николая Андреевича, но вскоре он зашагал сам, уверенно и быстро набирая силу.

Художник работает быстро и вместе с тем четко и красиво. Он стремительно, по-журналистски, откликается на каждое событие дня. Он не дожидается, когда на него снизойдет вдохновение. Его девиз: «Надо!». В начале Великой Отечественной войны появился плакат Долгорукова, обошедший всю страну, «Врагу не будет пощады!», а через несколько дней и второй — «Так было... так будет!»,— на котором были изображены бегущий Наполеон и Гитлер, пронзенный красноармейским штыком. Вслед за первыми плакатами последовали десятки других.

После войны Николай Андреевич создает цикл плакатов на историко-революционную тему. Для подписей он использует пламенные строчки Владимира Маяковского, что придавало его плакатам яростную силу. При этом Долгоруков не оставлял ни на один день текущую политическую работу. Его рисунки регулярно появляются на страницах «Правды», «Известий», «Красной звезды». В нем бьется сердце настоящего журналиста. Мир, интернациональная дружба людей труда, их солидарность и сплоченность — вот темы, которые его вдохновляют. В 1959 году художник создает плакат «В наступление на льды холодной войны». На плакате изображен атомоход «Ленин», своим мощным движением взламывающий лед, и тут же рядом жалкая и вместе с тем зловещая фигура поджигателя войны, который непременно будет раздавлен.

Николай Андреевич много и плодотворно ездит за рубеж. Возвращается он оттуда с папками, полными рисунков, набросков, этюдов. Ни один день у художника не пропадает даром.

Большой успех имели его альбомы «Франция. Там, где был Ленин» и «Москва — Париж». Если первый из них явился заметным вкладом в Лениниану, зримо показав в отличных рисунках все памятные места Парижа и его окрестностей, где жил и бывал Ленин, то второй стал подарком для всех, кому дорога дружба между советским и французским народами. В предисловии к альбому «Москва — Париж» Жак Дюкло пишет: «Альбом Долгорукова — это прежде всего теплое проявление франко-советской дружбы, к которой как в Париже, так и в Москве нельзя оставаться равнодушным».

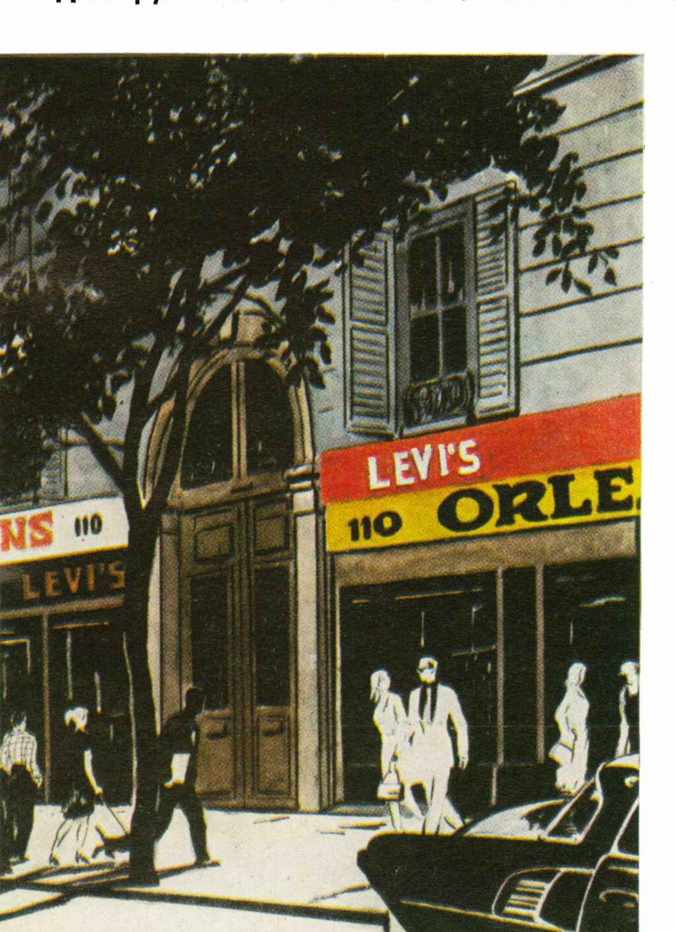
...Недавно в Москве состоялась персональная выставка работ Николая Андреевича Долгорукова — художника-журналиста и публициста, заслуженного деятеля искусств. Сорок пять лет неустанной творческой работы за плечами у этого славного мастера — срок немалый. Но выставка эта отнюдь не итог творческого пути художника. Несмотря на то, что Николаю Андреевичу пошел восьмой десяток, он весь в движении, в постоянном труде, кажется, что неумолимое время обходит стороной его кипучую натуру...

Ник. КРУЖКОВ

Н. Долгоруков. В НАСТУПЛЕНИЕ НА ЛЬДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ».

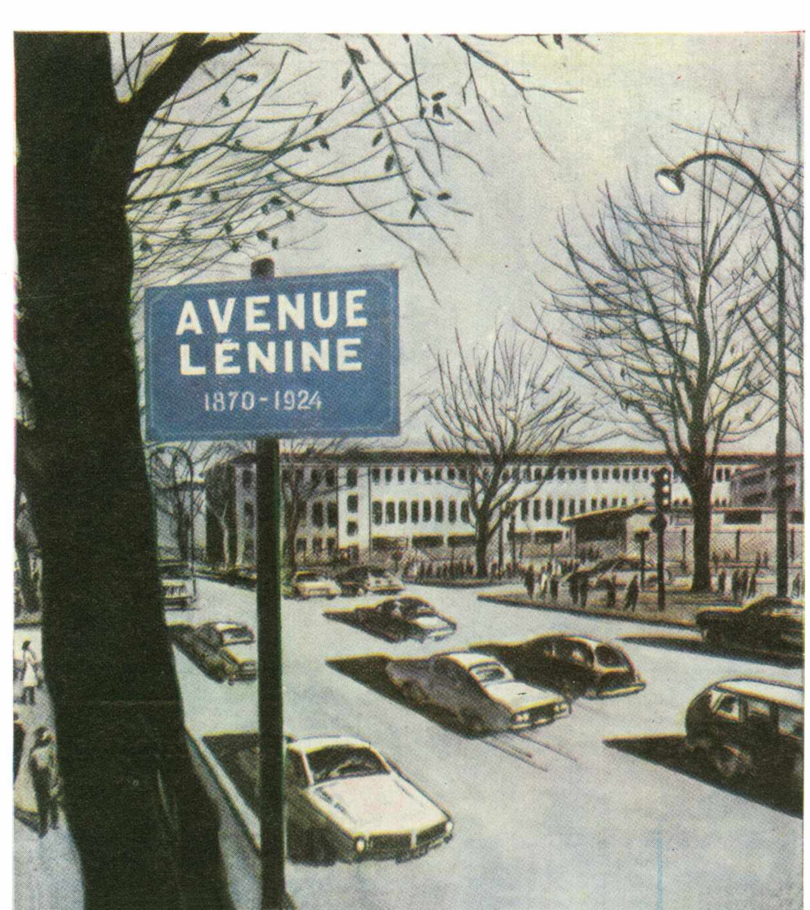
Н. Долгоруков. ПАРИЖ. НА УЛИЦЕ МАРИ-РОЗ У МУЗЕЯ-КВАРТИРЫ В. И. ЛЕНИНА. ДЕМОНСТРАЦИЯ ФРАНКО-СОВЕТСКОЙ ДРУЖБЫ.

ПАРИЖ. УЛИЦА Д'ОРЛЕАН, 110 (авеню генерала Леклерка).

ЗДЕСЬ ВО ДВОРЕ ДОМА ПОМЕЩАЛАСЬ ТИПОГРАФИЯ, ГДЕ ПЕЧАТАЛИСЬ ГАЗЕТЫ «ПРОЛЕТАРИЙ» и «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ».

СЕН-ДЕНИ. ПРОСПЕКТ ЛЕНИНА.

ПЕСНЯ МОЛОДАЯ

Поистине тот, кто вдохновлен молодостью мира, всегда остается юным и жизнерадостным. Трудно поверить, что Аркадию Александровичу Кулешову исполняется шестьдесят лет: его чистые, прозрачные лирические стихи и песни звучат с прежней задорной силой. Поэт с полным правом может писать:

> Двадцатый век стареющий наметил
> Мой крайний срок. Но назло старику
> Природе руки протяну вот эти
> Из нашего
> в грядущее столетье.
>
> («Круженье листопада...»)

Глубоко гуманистическое творчество замечательного белорусского художника знают и любят читатели во всех уголках Советского Союза, ибо оно выражает сущность жизни нашего современника, какой бы национальности он ни был.

Аркадий Александрович Кулешов родился в семье сельских учителей в местечке Самотеевичи, Костюковичского района, Могилевской области. Поэтический талант проявился в нем очень рано: двенадцатилетний ученик уже опубликовал свое первое стихотворение, а в 1930 году вышел его сборник «Расцвет земли».

Обучение в мстиславском техникуме, а затем в Минском педагогическом институте (1931—1933), знакомство с русской классикой и творческое общение с опытными белорусскими литераторами содействовали развитию и укреплению молодого дарования. Источником вдохновения для поэта, принимавшего непосредственное участие в социалистическом преобразовании деревни, явилась обновленная жизнь сельских тружеников, их свободный, коллективный труд.

К середине 30-х годов А. Кулешов определился как самобытный художник, в творчестве которого героическая тема получила яркое образное воплощение. Поэма «Баранов Василий», «Песня о разведчиках» (1936—1938), «В зеленой дубраве» (1939), лирика предвоенных лет («Утро», «Московская улица», «Могилевская тучка» и др.) свидетельствовали об идейно-психологическом обогащении поэзии А. Кулешова, соединившей в себе и мотивы комсомольского мужества и пафос радостного созидательного труда, дружбы, любви, готовности к подвигам во имя Родины.

С особенным напряжением работает поэт в годы Великой Отечественной войны. На фронте, сотрудничая в армейской газете, он пишет поэму «Знамя бригады» (1942), сразу же вошедшую в ряд лучших произведений не только белорусской, но и всей многонациональной советской литературы. «Знамя бригады» — это подлинно народная поэма, сохранившая и до наших дней свою историческую значительность. В характерах комиссара Зарудного, знаменосца Рыбки и других героев поэмы автор сумел показать величие духа советских патриотов, пронесших через тяжелые битвы и испытания знамя верности революционным идеалам.

Кроме поэм, А. Кулешов в суровое военное время создает ряд лирических стихотворений и баллад, проникнутых подлинным драматизмом героической борьбы белорусских партизан и всех советских людей против немецко-фашистских оккупантов. Многие из них стали хрестоматийными («Комсомольский билет», «Письмо из полона», «Баллада о четырех заложниках», «Над братской могилой» и др.).

В послевоенных произведениях А. Кулешова преобладают мотивы трудового подвига, основной его герой — борец за мир и созидатель. Поэмы и стихотворения этого периода часто отличаются публицистической заостренностью, высоким общественно-политическим содержанием. Так, строки стихотворения «Коммунисты» звучат как клятва:

> Я хочу, чтоб назывался коммунистом
> Сын родной мой и родного сына сын.

Светлая тональность и вместе с тем философская раздумчивость свойственны поэмам «Новое русло» (1948), «Простые люди» (1949), «Только вперед» (1950), «Грозная пуща» (1956).

Для творчества А. Кулешова последних лет характерен особенно широкий охват жизненных явлений. В лирическом цикле «Новая книга» (1964) проявились многогранность интересов и устремлений поэта, его озабоченность судьбами человечества. Верный своему общественному долгу служить идеям коммунизма, А. Кулешов страстно утверждает:

> Ни перед злом, ни перед равнодушьем
> Я белый флаг вовек не подниму.
>
> («Покинув берег...»)

Как в публицистической поэме «Цунами», посвященной проблеме защиты мира и справедливости, так и в автобиографическом полотне «Далеко до океана» (1970—1971), где судьбы героев определил «ветер века грозовой», поэт остается на переднем крае борьбы, остро ощущая свою ответственность перед историей и народом.

Этим же ощущением ответственности пронизана и новая поэма Аркадия Кулешова «Варшавский шлях», ставшая значительнейшим произведением поэта по своей философской глубине, по искренности и силе чувства гражданственности и, наконец, по отточенной форме поэтически-образного выражения.

Масштабность поэтического мышления, самобытность лирико-философских обобщений, свежесть и реалистическая точность образов, глубокая народность языка создают неповторимый творческий облик Аркадия Кулешова — поэта современности. Аркадий Кулешов талантливо перевел на белорусский язык «Евгения Онегина» Пушкина, произведения Маяковского и других поэтов. Свою плодотворную литературную работу поэт совмещает с активной общественной деятельностью, высоко оцененной советским народом; он дважды лауреат Государственной премии СССР, награжден тремя орденами Ленина, орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени.

Аркадий Александрович Кулешов находится в расцвете своих творческих сил. Пожелаем поэту, выражаясь его же словами,

> Чтобы дудку из лозин
> Вырезала зрелость,
> Чтобы песня до седин
> Молодая пелась.

А. ВЛАСЕНКО

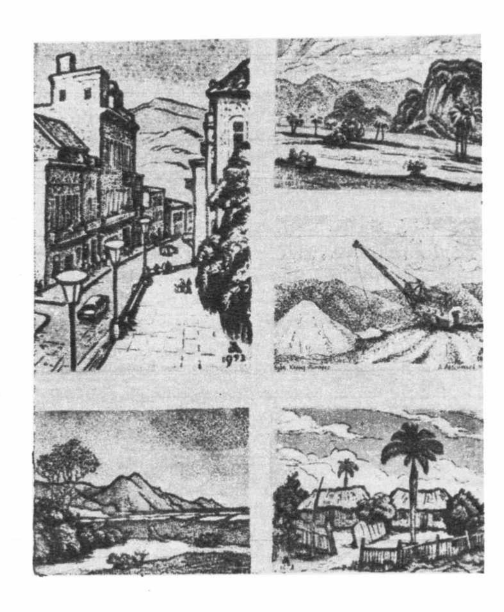
ЛЕКЦИИ И ПЕЙЗАЖИ

Добрая взаимная дружба связывает Ленинградский горный институт с кубинским университетом «Ориенте». Советские ученые помогли своим коллегам организовать и наладить учебный процесс в геологической и горнорудной школах, читают лекции, оказывают помощь в разработке учебных программ, готовят молодых ученых, дают практические советы...

В эту очередную поездку на Остров Свободы отправилась группа ленинградцев и в их числе — доктор технических наук, профессор Александр Иванович Арсентьев. Он никогда не бывал на Кубе, но знал многих кубинцев. Знакомство с ними началось в Кривом Роге, где профессор читал лекции в Криворожском горнорудном институте и где занимались и кубинские студенты.

Ленинградцы, отправляясь на Кубу, кроме чтения лекций и практической помощи в разработке горных ископаемых, задались целью оказать содействие в организации там еще одной школы — металлургической.

Александр Иванович взял с собой этюдник, акварельные краски, бумагу и в дар своим новым друзьям несколько гравюр. Еще в детские годы, занимаясь в одной из московских пионерских изостудий, Арсентьев полюбил живопись. Не оставил он это увлечение и в студенческие годы, закрепляя свои успехи в акварели, графике. Даже в годы Великой Отечественной войны сапер Арсентьев в редкие часы фронтового затишья брал в руки кисть и карандаш.

На Кубу Александр Иванович летел прежде всего как ученый, специалист горного дела. Но в то же время и как художник-пейзажист. Его этюды, гравюры, акварели, эстампы, красочно запечатлевшие природу Алтая, Заполярья, Крыма, Казахстана, экспонировались в музеях и на выставках во многих городах.

А. И. Арсентьева единодушно приняли в члены Союза художников СССР. Вот уж поистине никак не применишь к Александру Ивановичу известное изречение «Два дела хорошо не делаются»!

Остров Свободы покорил ученого и художника, прибывшего туда с берегов Невы. Он встретил там много хороших людей. И особенно радостно ему было увидеть своих воспитанников, которым он читал лекции в Кривом Роге.

— Куба — это рай для художника,— рассказывает А. И. Арсентьев.— Пейзаж ее многокрасочен, нежен, красив. Ландшафт очень разнообразен. Можно сказать, полный набор палитры. Работается легко. Волнует, радует и сама страна, ее люди — целеустремленные, энергичные, смелые, искренние.

Профессор Арсентьев читал лекции, консультировал аспирантов, спускался в шахты, знакомился с карьерами. Но в то же время он использовал каждую свободную минуту, чтобы запечатлеть новую Кубу.

Для кубинцев, знавших Арсентьева как крупного специалиста-горняка, его вторая профессия — художника явилась полным откровением. Ректорат университета и студенты устроили выставку работ профессора. Сорок пейзажей, половина которых была посвящена Кубе, вызвали восхищение.

Взаимная дружба двух вузов — советского и кубинского — продолжается.

К. ЧЕРЕВКОВ

ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ ВСТРЕЧА

А. СОФРОНОВ

Перед отлетом в Каир я перелистал свои старые записи. Да, совершенно верно. Это двадцать пятая поездка в Египет. Впрочем, был и еще один **пролет**, когда осенью 1956 года, направляясь в Японию кружным путем, через Стокгольм на советском самолете, там пересев на скандинавский самолет авиакомпании «SAS», через всю Азию, с посадкой в Каире, я летел в Токио. Начало августа. В аэропорту Каира было тревожно и душно. Именно тревожно. Был канун англо-франко-израильской агрессии. По Суэцкому каналу еще ходили корабли. Помнится, с ощущением тревоги я вернулся в самолет, взявший курс на Карачи. Затем, в феврале 1957 года, я оказался в Каире уже не пролетом, а с миссией доброй воли азиатского движения солидарности. Наша делегация, возглавляемая индийским общественным деятелем, членом индийского парламента Анупом Сингхом, должна была встретиться с Гамаль Абдель Насером для того, чтобы рассказать главе молодого египетского государства о задачах движения азиатской солидарности и предложить, а точнее, испросить его согласия на проведение в Каире Первой конференции солидарности народов Азии и Африки. В конце трехчасовой беседы в его личной резиденции Гамаль Абдель Насер сказал: «Каир в вашем распоряжении». В тот приезд мы видели еще дымящиеся руины Порт-Саида и мертвый, с торчащими мачтами затонувших кораблей Суэцкий канал. Следы первой агрессии.

Видел я Каир и вскоре после второй агрессии, так называемой «шестидневной войны», о которой, захлебываясь от восторга, трубила израильская печать и близкая ей империалистическая, буржуазная пресса. В те дни печально и подавленно встречали нас египетские друзья. Мы говорили им: «Мужайтесь. Воспитывайте свой народ в уверенности в грядущей победе. Обучайте солдат и офицеров совершенному владению современным оружием. Наш народ, наше государство — ваши друзья. Мы всегда с вами». Были мы тогда и в районе снова омертвевшего Суэцкого канала, по другую сторону которого вскоре начала строиться «линия Барлева», взахлеб рекламируемая соответствующей прессой как неприступная.

И вот снова в первые дни января 1974 года отправились мы в Каир из Москвы. Делегация Союза советских писателей, возглавляемая Камилем Яшеном; южноафриканский писатель Алекс ла Гума, прилетевший в Москву из Лондона; Субхас Мукерджи, прибывший из Дели, и монгольский писатель Тудэв — из Улан-Батора. Встретились мы все в аэропорту Шереметьево. Много событий произошло с сентября 1973 года, когда мы попрощались в Алма-Ате после Пятой конференции писателей стран Азии и Африки. Жаркое дыхание этих событий мы все еще ощущали рядом с собой. Поэтому с особым ожиданием следили за тем, что возникало перед нашими глазами по мере мягкого спуска самолета на каирский аэродром. Вот уже открыта дверь, и мы видим у трапа главу нашей афро-азиатской писательской ассоциации Юсефа эс-Сибаи со своими коллегами. Совсем недавно, в пору немалых морозов, какие не так уж часто выдаются ныне в Москве, мы встречали его у нас в качестве министра культуры АРЕ, открывшего в музее имени Пушкина выставку сокровищ Тутанхамона. Сейчас мы поздравили нашего старого друга еще с одним событием в творческой жизни — присуждением ему государственной премии АРЕ за литературные произведения.

По дороге в отель нам сообщают о том, что в Каире открыта выставка трофейного оружия. Приезжающих сюда друзей спрашивают: «Вы были в Египте до октября 1973 года?» И если слышат ответ, что «были до», говорят: «Значит, вы еще не видели нового Египта, после победы на Суэцком канале».

Поздно вечером на квартире советского представителя в секретариате Организации солидарности народов Азии и Африки Самандара Каландарова мы сидели у телевизора и смотрели программу, в которой египетские артисты исполняли на мотив «Калинки» русский танец, затем индийские, африканские и египетские танцы... Поздно ночью затемненным городом мы возвращались в отель.

— Эта сессия Постоянного бюро афро-азиатской ассоциации писателей,— сказал, открывая первое заседание, Юсеф эс-Сибаи, — имеет особое значение. Во-первых, это первая встреча после Алма-Атинской конференции и поэтического симпозиума в Ереване, где было на настоящем этапе выявлено полное единство взглядов и действий писателей Азии и Африки в их борьбе против империализма, колониализма и сионизма. И во-вторых, именно в этот период произошли два больших события: освободительная война арабских народов против израильской агрессии, Всемирный конгресс миролюбивых сил в Москве. Борьба арабов против израильской агрессии нанесла сокрушительный удар по сионистской военщине и их вечным империалистическим покровителям. Эта война показала способность арабских народов, пусть ценой больших жертв, сражаться, владея современным оружием и проявлять сплоченность, оказывая помощь друг другу не только с оружием в руках, но и морально и экономически. Эта война показала, что арабские народы являются при всех сложностях единым целым, частицей общего антиимпериалистического фронта. Арабы боролись не только за восстановление справедливости на арабских землях, но и за сохранение мира на земле. Именно здесь, на этой встрече, мне хочется выразить огромную благодарность Советскому Союзу и всем социалистическим странам, оказавшим неоценимую помощь арабским народам в их борьбе с израильскими агрессорами. Мы также приносим благодарность многим африканским странам, которые в знак протеста против политики агрессии порвали отношения с Израилем.

Говоря о значении Всемирного конгресса миролюбивых сил, я должен отметить тот факт, что он явился большой поддержкой всех национально-освободительных движений во всем мире и, в частности, борьбы арабских народов против израильской агрессии.

Возвращаясь к итогам Пятой алма-атинской конференции писателей стран Азии и Африки, я должен отметить, что это был самый большой и самый представительный форум писателей двух континентов за все время существования нашей Ассоциации. Достаточно сказать, что на конференции были представлены писатели 55 стран Азии и Африки и 17 организаций и писательских ассоциаций. Конечно, мы можем сожалеть, что из некоторых афро-азиатских стран делегаты не прибыли на конференцию. Но это обязывает нас уделять больше внимания именно этим странам. Большим достижением нашей Ассоциации, ростом ее авторитета и активности явилось увеличение состава Постоянного бюро от 11 до 17 стран, а также что именно на Алма-Атинской конференции были избраны два заместителя генерального секретаря: Алекс ла Гума (Южная Африка) и Субхас Мукерджи (Индия). Можно считать, что Пятая конференция писателей стран Азии и Африки явится поворотным пунктом в литературной и общественной деятельности нашей Ассоциации.

О том, что писательская Ассоциация Азии и Африки поставила своей целью дальнейшее укрепление своей активности, можно судить и по тому, что по предложению ливанского писателя Сухейля Идриса было принято решение о проведении осенью этого года в Бейруте первой встречи редакторов литературно-художественных журналов. Значение этой встречи трудно переоценить. Редакторы обменяются опытом, узнают о литературно-политических направлениях журналов, взаимно познакомятся с «портфелями» изданий, выработают в случае согласия общую программу действий...

Расширяется сфера влияния Ассоциации. Филиппинские писатели Кармен Накпиль и Гарсиа Вилья предложили провести одно из творческих мероприятий Ассоциации на Филиппинах. Ожидаются встречи с писателями Кении, пригласившими совместно с другими писателями Африки Ассоциацию для проведения Шестой конференции афро-азиатских писателей в столицу Кении Найроби.

Члены Постоянного бюро сердечно приветствовали появление на заседании главы писателей Республики Бангладеш нашего друга Мазха-

Лодонгийн Тудэв (МНР).

Председатель Постоянного бюро афро-азиатской ассоциации писателей Юсеф эс-Сибаи (АРЕ) открывает заседание. Рядом с ним Абдель Азиз Садек (АРЕ) и Алекс ла Гума (Южная Африка).

Коста де Андраде (Ангола).

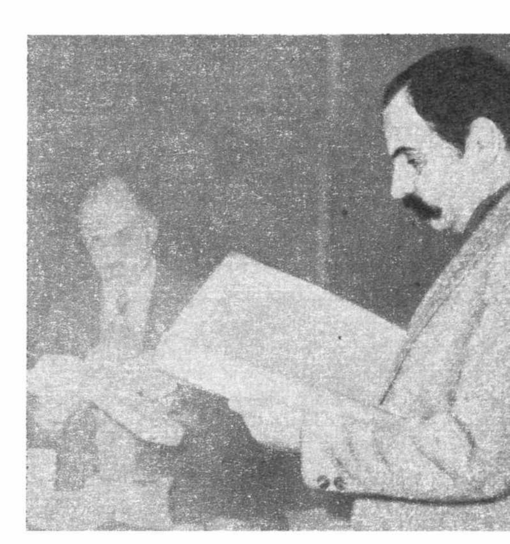

Камиль Яшен (СССР).

Участники каирской встречи на выставке трофейного оружия.

Фото агентства МЕН.

Наджи Аллюш (Палестина) и Сухейль Идрис (Ливан).

рула Ислама, писательская организация которой была избрана в состав руководства Ассоциации.

— Мы рады активно работать в Ассоциации. У себя на родине я редактирую четыре журнала. Я поддерживаю всячески деятельность журнала «Лотос», органа Ассоциации, из которого мы переводим рассказы и стихи на наши языки и печатаем в наших журналах.

Живо и заинтересованно происходило заседание редколлегии журнала «Лотос». Представитель писателей Палестины Наджи Аллюш говорил:

— Задача «Лотоса» — отражать прогрессивные явления в афро-азиатских литературах. Надо показывать рост сознания масс, их стремление к борьбе и победе. Мы благодарим «Лотос» за то, что на его страницах показана борьба народа Палестины за свои права.

— Надо популяризировать на страницах «Лотоса» творчество таких писателей, каким был и остается великий Пабло Неруда,— сказал Алекс ла Гума.

Ангольский поэт Коста де Андраде заявил:

— Журнал должен быть постоянным помощником в нашей борьбе. Надо смотреть вперед, постоянно выдвигая новые перспективы, как подсказывает нам сама жизнь.

— «Лотос» постоянно уделяет внимание борьбе народов, борющихся за свое освобождение. Надо больше привлекать литературу Латинской Америки,— сказал один из крупнейших египетских писателей, Абдель Рахман эль Шаркави, роман которого «Земля» недавно вышел в Москве в издательстве «Прогресс».

— Мне хочется выразить удовлетворение в связи с тем, что улучшились содержание и форма «Лотоса». Могу сказать, что напечатанные в журнале обзоры по прозе Алекса ла Гумы и по поэзии Фаиза Ахмад Фаиза были переведены на монгольский язык и опубликованы в Улан-Баторе,— сказал представитель Монголии.— Наши журналы постоянно перепечатывают у себя произведения, печатающиеся в «Лотосе». Мы благодарны журналу «Лотос», который систематически печатает произведения монгольских писателей.

В ноябре 1974 года мы будем праздновать 50-летие со дня образования Монгольской Народной Республики. Мы приглашаем членов редколлегии журнала к нам в гости. Посмотрите, как живет наша страна, пятьдесят лет назад вступившая на социалистический путь. Ее опыт, несомненно, имеет значение для всех молодых республик Азии и Африки.

— В этом году три советских республики: Узбекистан, Таджикистан, Туркмения — также будут праздновать свои пятидесятилетия,— сказал Камиль Яшен.— Многие наши друзья, азиатские и африканские писатели, не раз были у нас. Надеемся, что это большое событие также найдет отражение на страницах «Лотоса».

— О, конечно,— отозвался на слова Яшена Юсеф эс-Сибаи.— Для нас большая радость, когда в «Лотосе» печатаются советские писатели. Вот свежий номер.— Сибаи протянул свежий номер журнала, где в оглавлении значились произведения Григола Абашидзе и Халимат Байрамуковой.

...Находясь в Каире, как было нам не посетить выставку трофейного оружия, собранного на полях последней битвы в районе Суэцкого канала. Во главе с Юсефом эс-Сибаи мы отправились на выставку. Нас предупреждали — здесь собрана только малая частица того, что было уничтожено и подбито оружием, которым в последние годы овладели арабские воины. Мы это понимали. Мы знали в цифрах потери израильских войск.

Выставка оглушает разноголосым шумом. Возле трофеев всегда много посетителей. Дети часами ползают по танкам, бронетранспортерам, пытливо заглядывают в зияющие, обведенные багряной краской пробоины. Возле каждого раздела выставки свои лекторы. Они в военной, выгоревшей под солнцем пустыни форме, с указками в руках. Мы движемся от объекта к объекту. Вот макет Суэцкого канала с расположенной за ним, взятой штурмом 6 октября 1973 года «линией Барлева». «Линия» была прорвана в 25 местах.

Дети всюду. Стайками сидят они в десантных лодках, сидят верхом на бомбах, на остатках ракет «воздух — земля». Чего только здесь нет! Осветительные бомбы. Ракеты, разбрасывающие отравленные иглы. Ракеты с горючей жидкостью. Бомбы «Змеиный глаз». Бомбы на выбор — для фронта и для тыла. Бомбы для поражения танков. Раскрывающиеся контейнеры. Осколочные бомбы. Израильские танки американского и английского производства. Транспортеры-амфибии американские. Остатки «Фантомов». Разведывательный самолет, сбитый 13 декабря над Египтом на высоте 12 километров. И, наконец, сообщение о том, что «линия Барлева», на строительство которой было израсходовано 238 миллионов долларов, в конечном итоге стала могилой израильских агрессоров.

Подходит к концу наше, затрудненное от большого количества посетителей передвижение по выставке. Мы заходим в большой павильон, где находится командование выставки. Юсеф эс-Сибаи сообщает, что среди писателей, посетивших выставку, есть и советские литераторы. Начальник выставки крепко пожимает нам руку. Мы чувствуем это пожатие. Мы хорошо понимаем, кому оно адресовано.

...На одном из заседаний мы увидели нашу старую знакомую, от-

личную переводчицу с арабского на английский и французский языки Нихат. Она была в трауре. Увидев ее печальное лицо, мы спросили, что случилось.

— У меня в семье горе. Погиб муж моей дочери. Он был летчиком. Они совсем недавно поженились.

Мы вспомнили дочь Нихат, маленькую, стройную, миловидную египтянку.

В эти дни на Ближнем Востоке происходят большие события. Несмотря на увертки правительства Израиля, согласованные действия правительств СССР, США, АРЕ и других заинтересованных в мире на Ближнем Востоке государств приводят к первым практическим действиям по решению противоречий мирным путем. Агрессивная политика Израиля зашла в тупик. Только освобождение всех оккупированных Израилем арабских земель и восстановление законных прав народа Палестины может принести мир в этом районе, в том числе мир и народу Израиля. Это уже стало или становится ясным всем, кто хоть немного понимает, что Израиль, как бы он еще ни хорохорился, проиграл последнюю фазу войны по всем статьям — моральным и материальным.

...В первом часу ночи улетал я проходящим через Каир рейсом нашего самолета, направляющегося в Москву из столицы Сомали Могадишо. Этим же рейсом возвращались домой после получения наград лауреаты премии имени Гамаль Абдель Насера египтолог профессор В. Авдиев и украинский писатель А. Хижняк. Третий лауреат, узбекский композитор М. Ашрафи, оставался в Каире. Он заканчивал балет о борьбе египетского народа за свое освобождение. Под прохладным ночным небом Каира мы обнялись с египетскими друзьями, провожавшими нас. Уже в самолете, смотря в окошко на крупные звезды, я подумал о том, что двадцать шестой полет в Каир может совпасть с возвращением в строй Суэцкого канала. Я много раз любовался тем, как в узкую горловину канала втягиваются корабли, идущие из Красного моря. Видел также, как из Суэцкого канала выходили они в Средиземное море. Это очень впечатляющее зрелище. Ради этого стоит прилететь в Каир и в двадцать шестой раз.

Каир — Москва.
Январь 1974 года.

САТИРИЧЕСКИМ ПЕРОМ

Рисунки
Бориса
ЕФИМОВА

В обстановке полного «взаимопонимания» проходит обсуждение финансовых взаимоотношений между членами НАТО.

«Энергетический кризис» в действии.

Валюта на «плавающих курсах».

НАДО ЛИ ЗАЩИЩАТЬ ДЮРРЕНМАТТА?

Леван РОНДЕЛИ,
кандидат искусствоведения

О всемирно известном швейцарском драматурге Фридрихе Дюрренматте в последние годы пишут много. Читатели уже свыклись с уважением и благоговением при упоминании критиками и театроведами этого имени.

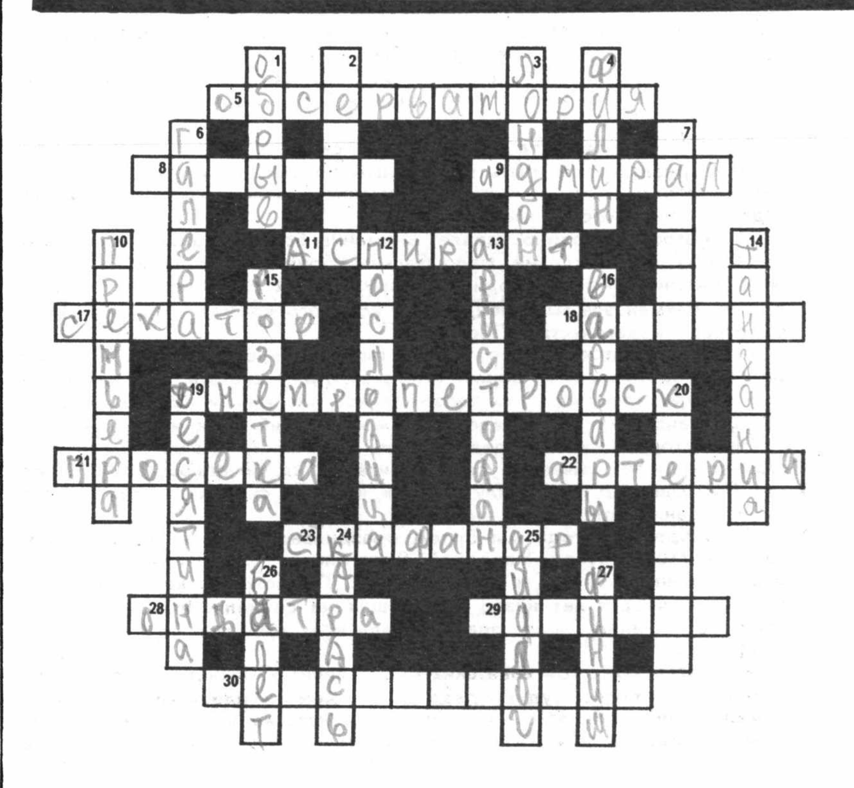
Правда, я не был хорошо знаком с творчеством Дюрренматта. Но, прочитав статью Н. Павловой «Новое в творчестве Дюрренматта» в четвертой книжке «Иностранной литературы» за 1973 год, был крайне удивлен. Автор начинает свою статью так:

«В 1968—1969 годах театральная общественность Швейцарии была взволнована неожиданным событием: всемирно известный драматург Фридрих Дюрренматт взял на себя (совместно с режиссером Дюггелином) руководство театром города Базеля... За это время состоялись премьеры двух переработанных им пьес — «Короля Иоанна» Шекспира и трагедии Стриндберга «Пляска смерти». Тогда же были задуманы обработки еще двух шекспировских пьес, одна из которых — «Тит Андроник» — была осуществлена уже в следующем году. В интервью Дюрренматт говорил о намерении взяться за «Минну фон Барнхельм» Лессинга (то есть переделать «Минну».— **Л. Р.**)».

Постойте-ка, подумал я. А где же пьесы самого-то Дюрренматта? Тут все Шекспир, Стриндберг, Лессинг... А где же пьесы «всемирно известного» драматурга? Но продолжаю читать статью Н. Павловой.

«Обработки чужих произведений заняли, таким образом, существенное место в собственном творчестве драматурга. Некоторые из них оказались не менее значительными, чем «Портрет одной планеты»,— единственная вполне оригинальная его пьеса. (Заметьте: «единственная вполне оригинальная его пьеса»! — **Л. Р.**)... Да и вторжение в чужое творчество в ряде случаев было таким решительным, что Дюрренматт с полным правом ставил на титуле свое имя, замечая в скобках: «по Шекспиру» или «по Стриндбергу».

Своими сомнениями относительно первичности творчества Дюрренматта я поделился с одним знакомым театроведом; он улыбнулся и сказал, что Дюрренматту часто приходится оправдываться и в печати и на судебных процессах против обвинений в плагиате. Шумный судебный процесс был, к примеру, начат вдовой Ф. Ведекинда, доказывавшей, что пьеса Дюрренматта «Брак господина Миссисипи» —

точная копия пьесы ее мужа «Замок Шлоттерхейм».

Тогда я сам ознакомился с пьесами Дюрренматта, выпущенными у нас издательством «Искусство» в 1969 году. Тут я убедился, что мой знакомый был прав. Кроме своей «вторичности», эти пьесы еще и эталон искажения, извращения не только чужих произведений, но и вообще историко-литературного материала; образец дегероизации, глумления над людьми, превращения их в скотоподобные существа; популяризация пошлости и цинизма... Я не говорю уж о том, что пьесы беспомощны в драматургическом отношении, крайне спорны либо умозрительны. Они бесталанны, хотя выходят сегодня отдельными сборниками, печатаются в журналах, ставятся театрами и снимаются в кино. Но почему?..

«Темп и ритм действия,— пишет Павлова,— степень концентрированности диалога соотносятся с той скупой, но насыщенной выразительностью, которую выработала современная сцена (!). Какую бы пьесу ни обрабатывал Дюрренматт, он прежде всего сокращает, сжимает, стягивает. Огромная нагрузка ложится на плечи актера: он должен донести максимум содержания при минимуме слов и времени».

Вот здорово!.. Драматургическое произведение при минимуме слов! Представляет ли себе читатель, что значит при минимуме слов великий Шекспир? Без диалога Шекспир — это даже не кощунство, а преступление перед искусством, перед зрителями, перед подрастающим поколением! А драматург ведь не только «сокращает», «сжимает» да «стягивает» пьесу, но и меняет самую идею вещи, «которую ставит своей волей во главу угла».

Таким образом, из пьес Шекспира Дюрренматт выбрасывает не одни лишь диалоги, но еще и смысл и вечные идеи великого классика.

Что же он тогда оставляет?

«Четырнадцать убийств («Тит Андроник».— **Л. Р.**), тридцать четыре трупа, три отрубленные руки, один отрезанный язык» — таков, по подсчетам комментатора,— восклицает Н. Павлова,— кровавый итог этой трагедии (так же, как, кстати сказать, и ее переработки...)»

Ну, вот видите, Дюрренматт, оказывается, все же смилостивился и оставил кое-что от Шекспира. Во всяком случае, оставил все четырнадцать убийств, тридцать четыре трупа и так далее. А остальное, ему ненужное, выбросил на свалку, куда же еще!..

Начинаю сомневаться: не клевещут ли на «всемирно известного» драматурга, превращая его в обычного перелицовщика пьес умерших классиков (живые могут не разрешить!)? И снова, не веря Н. Павловой, обращаюсь к самому Дюрренматту. Вот что он говорит в предисловии «От автора» к пьесе «Играем Стриндберга».

«1948 год. Смотрю в Базеле «Пляску смерти» Стриндберга с участием Марии Файн и Рудольфа Форстера; в памяти остаются актеры, но не пьеса.

1968 год. Прочитываю первые страницы пьесы, нахожу интересной драматургическую идею, но литературное воплощение... отталкивает. Пытаюсь произвести обработку путем вычеркивания, то есть обычную для театра обработку Стриндберга. Бросаю. Причина: общепринятые обработки Стриндберга — путем вычеркивания, перестановок, изменений и дополнений текста — искажают Стриндберга; затея тем более сомнительная, что совершается во имя того, чтобы сыграть «подлинного» Стриндберга. Переделать в корне представляется мне честнее».

Значит, «сокращать», «сжимать», «выбрасывать» не совсем честно. А вот переделать **«в корне»** гораздо честнее... Признание хоть куда! И тут уж я перестаю защищать Дюрренматта от Н. Павловой. Он сам за себя сумеет постоять! Вот послушайте его самого:

«Я заимствую у Стриндберга фабулу и основную драматургическую идею. После того как я исключил литературную сторону пьесы, стала отчетливее близость стриндберговского театрального вйдения к современному — близость к Беккету, Ионеско, да и к моему «Метеору».

Вот так возникает «современный» Стриндберг. А дальше говорится:

«...Пьеса становится пьесой для актеров. Актеру не надо больше заниматься исследованием демонической души, ему предстоит исполнять на сцене до предела сконденсированный и краткий текст».

Я перечитываю журнальный текст пьесы «Играем Стриндберга» и убеждаюсь, что ничего общего с художественной литературой это произведение не имеет: после «сокращения», «сжимания» и «стягивания» текста диалог выглядит, как список товаров, вывешенный в магазине. Нудное повторение одних и тех же слов, лишенных эмоций и красок, оставляет тягчайшее впечатление. Спрашивается, кому же это надо?.. Зачем вводить в заблуждение наших театральных художников-драматургов и режиссеров, которые выросли на принципах уважения к мировой классике, привыкли к тому, что слово на сцене, диалог имеют первостепенное значение для раскрытия идеи произведения, для раскрытия жизненного смысла? Знают, наконец, что театр — это школа жизни... И вдруг им предлагают «пьесы» Дюрренматта!

Из «двухсерийной» «Пляски смерти» Стриндберга Дюрренматтом сотворена «литературная обработка» наподобие американских комиксов.

Наверное, Дюрренматт не знает русскую классическую литературу, иначе он давно приступил бы к «сокращению», «сжиманию» и «стягиванию» Чехова, Островского, Горького...

Так же, как и литературная основа, актер в пьесе Дюрренматта не получает творческой индивидуальности. Как говорит сам Дюрренматт, актеру больше не надо заниматься «исследованием души». Поэтому он, драматург, после «отыгрывания эпизода» уводит актера и сажает его на скамейку вместе с... реквизитом.

«Курт выходит за пределы круга, садится на скамью с реквизитом».

«Алиса выходит влево, за пределы сценического круга, и садится на скамью для реквизита».

Эдгар «уходит со сцены, садится на правую скамью для реквизита».

«Эдгар подает команды, сидя на скамье для реквизита»...

Такова пьеса и дальше. Разумеется, действующие лица в «пьесе» становятся невероятно похожи друг на друга и актерам не приходится создавать образы. Получив «функции» обычного театрального реквизита, актер перестает быть творцом, художником...

Н. Павлова считает, что пьеса Дюрренматта по Стриндбергу «камерна и, несомненно, предназначена для игры на небольшой сцене». Но, конечно же, это не объяснение!.. Герои пьесы, все они — и те, кто на сцене, и те, кто за сценой,— негодяи, пошлые и безнравственные.

Порой на сцене под видом «разоблачения» буржуазного общества и его нравов допускается все вплоть до разврата и преподносится как смелость и новаторство. Именно это и проделывает Дюрренматт. И хоть неловко его цитировать, но ведь его «перлы» напечатаны...

Алиса (главное действующее лицо) обращается к мужу: «Как чудесно ты придумал. Отомстить тебе на нашем супружеском ложе с Куртом — это было упоительно».

Впрочем, «упоительность» явно придумана Алисой, судя по ее объяснению с любовником.

Курт: «Ты же меня любила».
Алиса: «Ну и что?»
Курт: «Ты спала со мной».
Алиса: «Ну и что?»

Хотелось бы понять смысл восторгов Н. Павловой по поводу того, что «из пьесы выброшено всякое психологизирование. Диалог исключает «разговоры», он строится на столкновении отточенных формул».

Теперь мы увидели эту «отточенность» собственными глазами.

От Н. Павловой мы узнали многое о Дюрренматте.

Узнали и об ее восхищении «способом» Дюрренматта «работать над пьесой».

Неужели Н. Павлова действительно уверена, что этот «способ» можно рекомендовать к употреблению?!.

А ведь есть, к сожалению, некоторые подтверждения того, что «уроки» Дюрренматта уже восприняты и у нас иными драматургами и даже постановщиками пьес советской классики!

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Астрономическое учреждение. 8. Русский исследователь Арктики. 9. Воинское звание. 11. Человек, готовящийся к научной деятельности. 17. Садовые ножницы. 18. Приток Ангары. 19. Областной центр на Украине. 21. Вырубка в лесу. 22. Кровеносный сосуд. 23. Костюм водолаза, космонавта. 28. Пушной зверек. 29. Итальянский астроном. 30. Раздел языкознания.

По вертикали: 1. Роман И. А. Гончарова. 2. Созвездие южного полушария неба. 3. Столица европейского государства. 4. Птица отряда сов. 6. Гребное военное судно. 7. Автор оперы «Манон». 10. Первое представление. 12. Меткое народное изречение. 13. Древнегреческий комедиограф. 14. Государство в Африке. 15. Орнаментальный мотив в виде стилизованного цветка. 16. Пьеса М. Горького. 19. Мера земельных площадей, применявшаяся в России. 20. Австрийский скрипач и композитор. 24. Рыба семейства карповых. 25. Разговор. 26. Вид театрального искусства. 27. Конечный пункт дистанции в состязаниях.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали: 7. Карнавал. 8. Крокодил. 11. Спица. 12. Адуев. 13. Феба. 15. Квас. 16. Василек. 17. Комарно. 18. Абордаж. 19. Микенас. 22. Полигон. 24. Тоскана. 25. Гага. 26. Григ. 27. Риони. 28. Ирина. 30. Бригадир. 31. Ассонанс.

По вертикали: 1. Енакиево. 2. Мерлушка. 3. Магнето. 4. Галс. 5. Шкив. 6. Диорама. 9. Паустовский. 10. Каллиграфия. 14. «Анафема». 15. Картинг. 20. Имандра. 21. Стропило. 22. Патиссон. 23. Ошибень. 27. Реал. 29. «Амок».

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

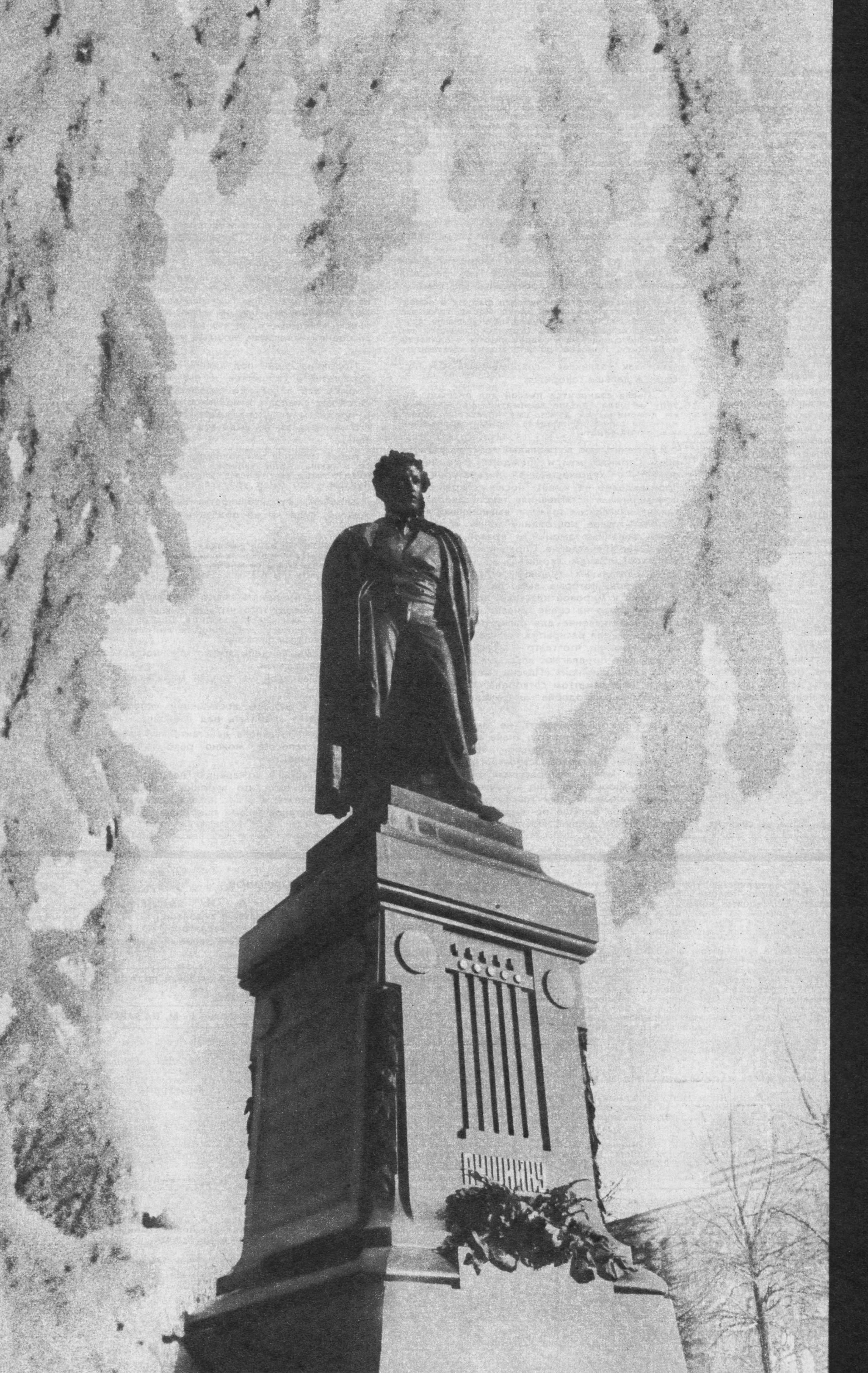
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 14/I — 74 г. А 00509. Подп. к печ. 29/I — 74 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 299. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 1708.

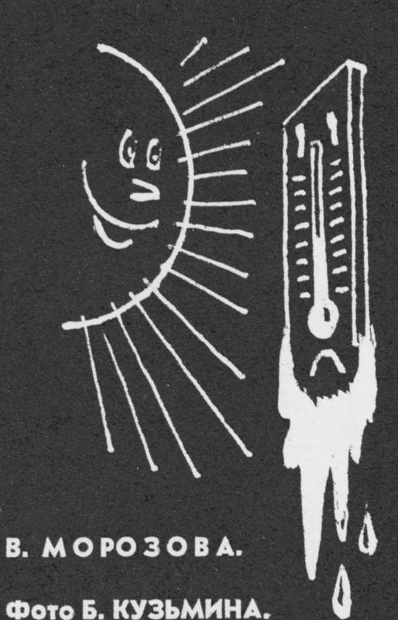
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

На первой странице обложки: Гавана. 28 января с официальным дружеским визитом в Республику Куба прибыл Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев по приглашению Первого секретаря ЦК Коммунистической партии Кубы, Премьер-Министра Революционного правительства товарища Фиделя Кастро Рус. На снимке: во время встречи в аэропорту «Хосе Марти».
Телефото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна и В. Соболева.

На последней странице обложки: А. Арсентьев. Куба (линогравюры). Сантьяго-де-Куба. Пляж Касональ. Долина Виньялес. Карьер Пинарес. Крестьянские дома в Эль-Кристо.

МОРОЗ и СОЛНЦЕ...

В. МОРОЗОВА.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

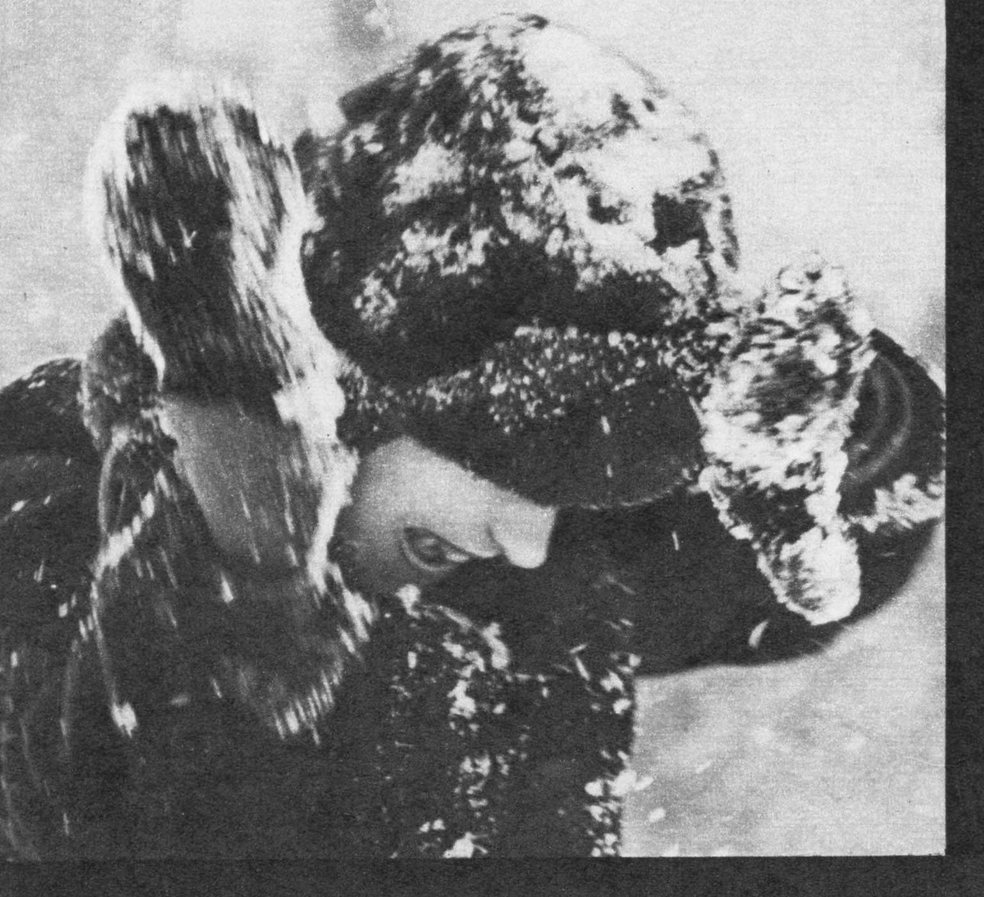
Русская зима. Какие простые и какие завораживающие слова! Тревожное ожидание зимней красы всегда чудо. Может быть, чувство это порождено светлым романтизмом поэта, написавшего:

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Яркая прозрачность морозного воздуха, ветка дерева в инее, почти ощутимо колючего, ослепительно сверкающего. И поэт, такой недостижимо гордый и вместе с тем такой близкий, без которого немыслима Москва, немыслима площадь, названная его именем, немыслима красота окружающего мира, которую он воспевал.

...Русские красавицы, сероглазые, грациозные, озорные. Это актрисы из архангельского ансамбля «Сиверко». Как органично вписываются они в белое кружево заиндевевших веток, как ясно ощущаешь рассыпча-

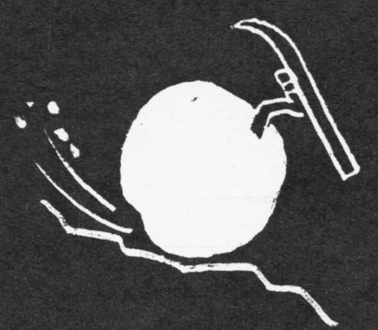
тость, чистоту свежевыпавшего снега...

И вновь улыбающееся женское лицо. В нем откровенная радость жизни. Счастливо сложилась судьба этой труженицы. Александра Ивановна Тихомирова всю жизнь работала в сельском хозяйстве. Сейчас она доярка Болшегорской фермы совхоза «Ильинский», а раньше была и свинаркой, и звеньевой по льну, и заведующей фермой. За ее самоотверженный труд Александре Ивановне присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Зима... Это ослепительно яркие, солнечные утра, напоенные зарей ранние вечера, таинственный жемчужно-голубой сумрак ночей и тихо плывущая меж темных елей луна. Но это и захватывающе острая радость стремительно мчащихся с гор в белую пропасть санок в брызгах обжигающего снега, серебристый звон летящих по зеркальной глади коньков, плавно скользящие по хрустящему насту застывшей реки лыжники в ярких свитерах.

Теперь уже существуют искусственные лыжные трассы, закрытые комфортабельные катки. Но в душе человека живет потребность ощутить обжигающую прохладу настоящего снега, почувствовать ледяную упругость скованной морозом реки, самому увидеть эту удивительную зимнюю сказку.

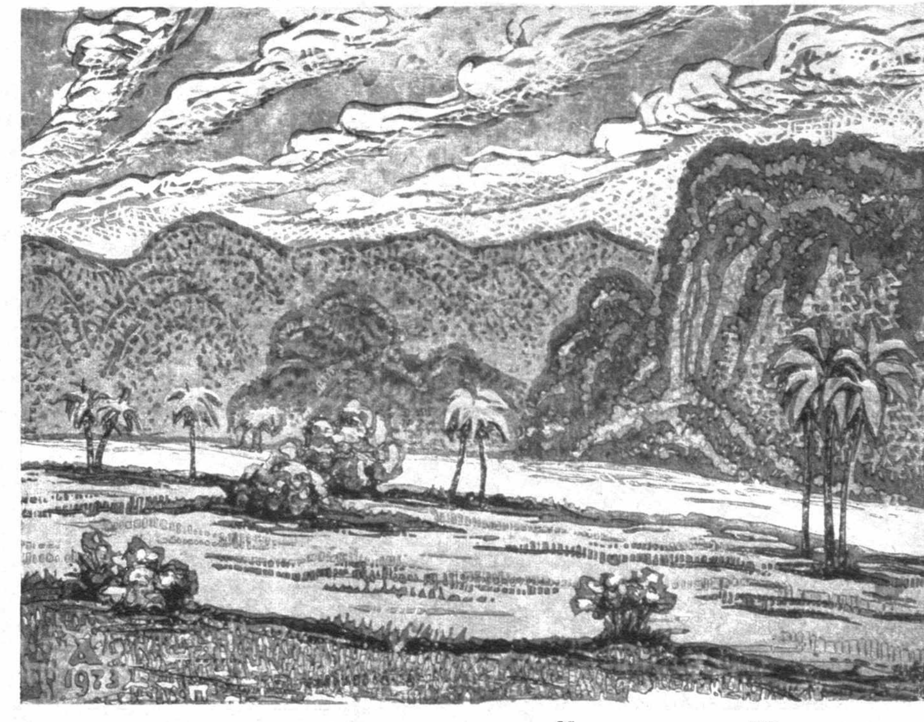

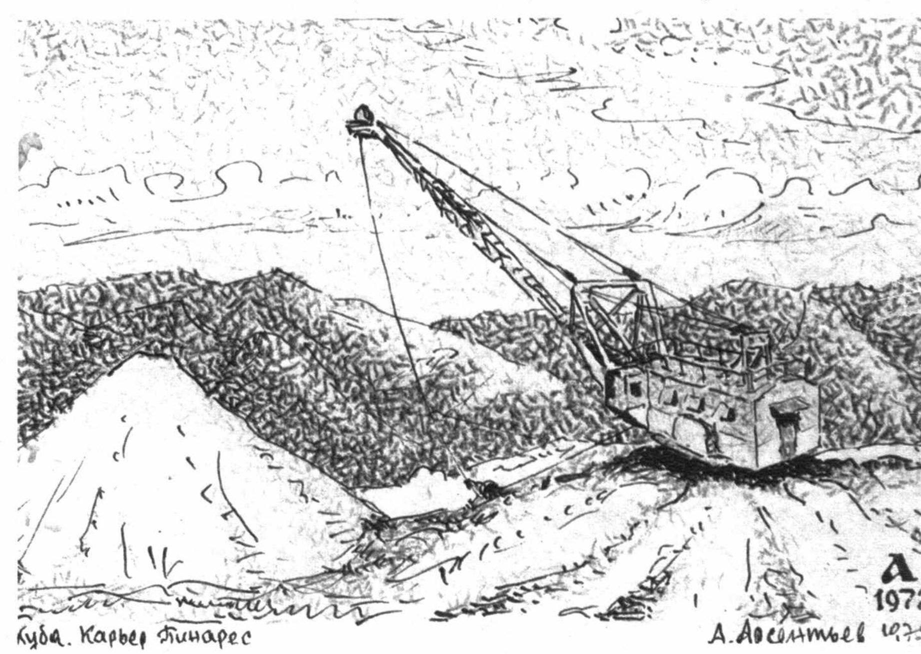

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663

